

Леонид Бляхер

ХРОНИКИ ГЕРОДА

Перечитывая Флавия

Леонид Бляхер
Хроники Герода

«Издательские решения»

Бляхер Л.

Хроники Герода / Л. Бляхер — «Издательские решения»,

Эта книга — о любви. Невероятной, испепеляющей любви, которая ведет героя через битвы и осады, интриги и поражения, горе и отчаяние. Любви к своей земле. Герой книги — самый проклинаемый персонаж в истории — царь Ирод Великий. О его жизни, о его фантастических приключениях в мире сильных людей и больших поступков я и попытался рассказать на страницах романа. Насколько это вышло, судить Вам.

© Бляхер Л.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Предисловие от Флавия	7
Часть первая. Дом Антипатра	9
Глава первая. Герод	9
Глава вторая. Римский гражданин	15
Глава третья. Тетрарх Галилеи	28
Часть вторая. Отец и сын	42
Глава первая. Суд Синедриона	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

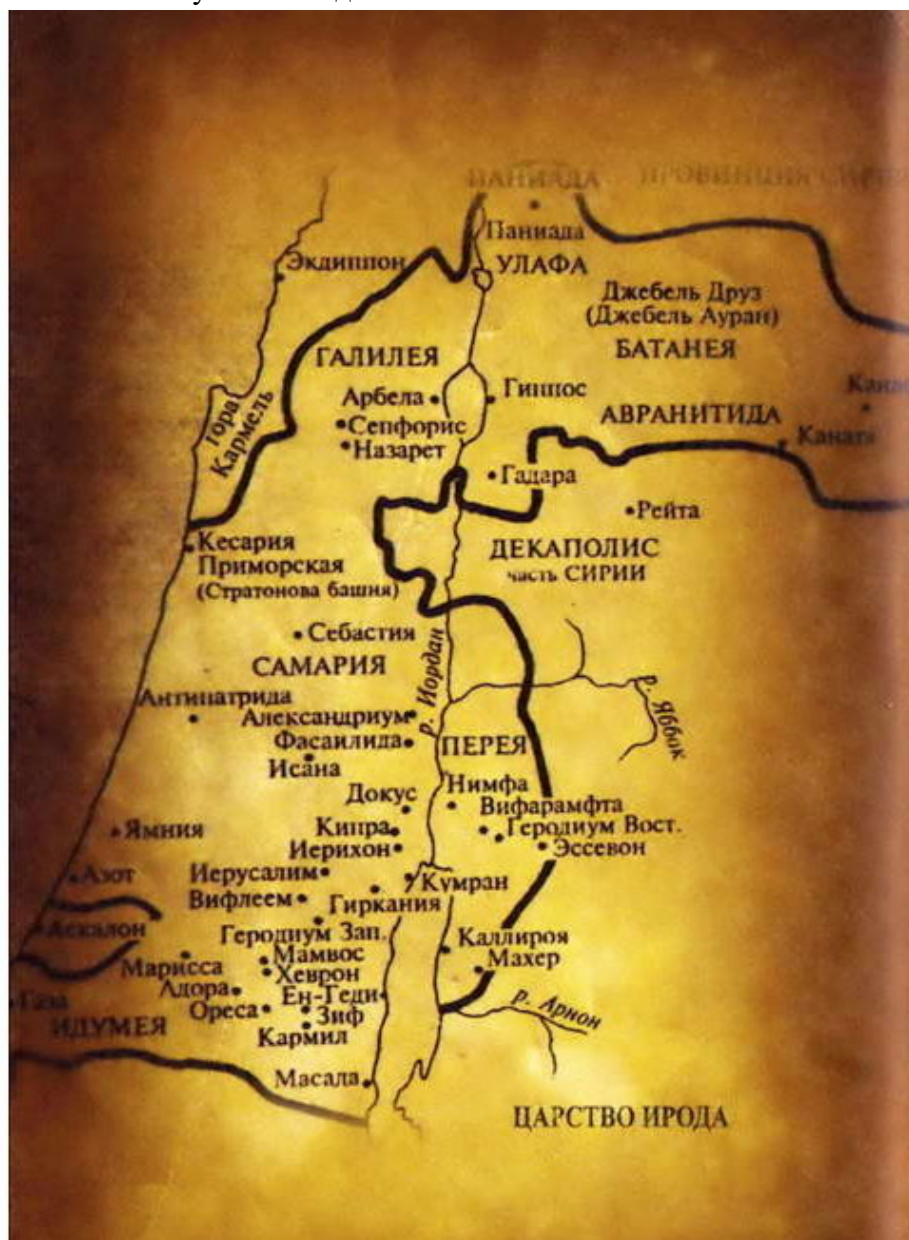
Хроники Герода

Перечитывая Флавия

Леонид Бляхер

© Леонид Бляхер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Самой любимой и единственной посвящается...

Эта книга посвящена жизни царя Герода, в чем-то уникальной, в чем-то типичной для эпохи зенита славы и могущества Римской империи, эпохи сильных людей и больших поступков. Почему именно Герод (или Ирод, как более привычно для носителя русского языка) стал героем этого небольшого повествования? Все просто и очень сложно. Есть имена славные и признанные: они шествуют из учебника в учебник, им подражают, ими клянутся. Есть имена нейтральные: вот был человек. Что-то делал. Наверное, хорошо делал. Но ушел. Все там будем. И таких имен – большинство. Мы называем их (точнее, себя) обычными людьми. В том, чтобы быть обычным человеком, я не вижу ничего плохого, ведь именно они, обычные люди, сеют зерно, пекут хлеб, любят, рожают детей. Благодаря им самые страшные катастрофы все же не прервали времени рода людей.

Но есть имена странные. Проклятые и оболганные. Кажется, что весь гнев современников и потомков сошелся на этих именах. Каждое следующее поколение приписывает им новые и новые преступления, не заботясь ни об исторической достоверности, ни о рациональности такого поведения – они же изверги, ироды. Как правило, причиной такой ненависти становится то обстоятельство, что их историю написали их враги, уничтожая любые воспоминания об иных, не вписывающихся в их трактовку, событиях, или находя им соответствующее объяснение. Говорят, что история все расставит по своим местам. Это ошибка. История – дама забывчивая, причем, склонная упорствовать в том, что все же запомнила или в том, что дала себе внушить.

Мой герой – один из таких проклятых исторических персонажей. «Герой», «ирой» – собственно, так и звучит его имя на древнегреческом. Лишь в средние века оно приняло привычную нам форму – Ирод. Но героем он был не только по имени. Он смог сделать то, что мало кому удавалось – из кучки забытых и нищих областей с жителями, ненавидящими друг друга, он смог создать сильную и богатую страну с красивыми городами, огромным портом, развитой торговлей и ремеслами.

Последние двадцать лет его правления были самым благополучным временем в истории древней Иудеи. Но не только его удачливость привлекла меня (удачливые правители бывали и до, и после): читая тексты и свидетельства о нем, я подумал, что понял ту силу, что двигала им, что позволяла преодолевать беды и преграды, встающие то и дело на его пути, побуждала идти на смерть и побеждать. Имя этой силы – любовь! Всепоглощающая любовь к той единственной и боготворимой – своей стране, своей Иудее. Эту историю любви мне и захотелось рассказать. А насколько у меня вышло, судить Вам, дорогой читатель. Мне же остается только сообщить, что в книге использованы фрагменты из труда историка Иосифа Флавия «Иудейская Война» в переводе Я. Л. Чертка и поблагодарить за помощь в редактировании текста Ирину Батраченко.

Предисловие от Флавия

Где-то там, вдалеке, за кипарисами, солнце склонилось над морем, прочерчивая на нем полосу расплавленного багрянца. Легкий ветер задумчиво шелестел листьями кустов, окружавших виллу императора Тита Флавия Веспасиана. В тени колоннады, опоясывающей главное здание виллы, в плетеном кресле сидел немолодой уже мужчина и старательно выводил буквы на пергаменте. Он торопился. Большая часть жизни позади. Позади веселая юность в далеком южном городе в чаше желтых холмов. Позади споры о судьбе народа и ожидание падения Храма, ожидание конца всего, что составляло смысл жизни и его самого, и всех, кого он тогда знал. Войны, осады, голод и смерть соратников, неожиданная милость будущего императора Тита... Все это исчезло, унесенное пыльной бурей, рвущейся из пустыни, окружающей город среди холмов, поросших жесткой травой. Да и сам император уже давно в ином мире, как и многие из тех, кто окружал его, кто противостоял ему в яростной схватке на далекой окраине римского мира.

Осталась память. Память немногих, кто смог выжить, унести Родину на подошвах сандалий. Осталась щемящая тоска, которая охватывает внезапно при взгляде на чужое море, под чужим небом. Эту память он и спешил доверить долговечному пергаменту. Усталые глаза слезились от напряжения. Он писал. Он боялся не успеть. Ведь пройдет совсем немного времени и исчезнут все, кто был свидетелем его жизни, его взлета, его падения. И тогда останутся только эти строчки.

Затем Гиркан I взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумейцев, позволил им оставаться в стране, но с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским/ Идумейцы действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого же времени они совершенно стали иудеями.

Он почти забыл свое изначальное имя – Йосеф бен Матитьяху – и с гордостью произносил новое, данное ему императором. Римляне звали его Иосиф Флавий – по имени императора, бывшего его покровителем, давшего ему права римского гражданина.

«Над идумейцами поставил он этнарха Антипу. Сын же Антипы Антипатр жил при дворе его и был любим им».

Флавий оторвал взгляд от пергамента и посмотрел на небо: все же какие маленькие звезды здесь, в сердце мира, в Вечном городе... Он пытался представить, понять то время, о котором знал по рассказам старших, по беседам со своими учителями. Время, о котором писал. Каким оно было? Как отличалось от времени, когда он жил? Отличалось ли, или люди во все времена одинаковы?

Он устало поднялся. Словно бы нехотя выпил из кубка разбавленное вино. Пора спать. Но и в полумраке комнаты, на мягкой кровати, Флавий никак не мог найти покоя. Мысли крутились в голове, бежали колесницами на скачках. Он вспоминал прошлое. То, которое видел и то, о котором знал только по слухам. Постепенно все мысли, которые никак не желали отпустить историка, сошлись на одном человеке. Каким он был? Все учителя Иосифа, все друзья и родичи его сходились в одном – он был чудовищем. Это он уничтожил царский дом Хасмонеев, подорвал древнее благочестие, нарушил Закон, казнил членов Высокого Синедриона в городе Ерушалаиме. Но почему этот образ не отпускает его?

Уже погружаясь в дрему, он сонно шептал, как бы продолжая свою летопись: «И родился у Антипатра сын. И был он мужем высоким и могучим воином. И стал он царем. И пели славу

ему на рынках и в хижинах, и слали проклятья ему во дворцах и храмах. Звали его именем Хордос или Герод. Эллины же называли его – Ирод».

Флавий окончательно погрузился в сон. Над ним раскрылось южное ночное небо, распахнувшееся мириадами звезд, огромных, как колеса повозки торговца овощами на городском рынке.

Часть первая. Дом Антипатра

Глава первая. Герод

Южное ночное небо распахнулось над городом мириадами звезд, огромных, как колеса повозки торговца овощами на городском рынке. Холодный ветер с гор заставил поежиться стоящего на площадке дворца этнарха и первосвященника Гиркана II молодого человека в шерстяном плаще. Прохладно. Но уходить в душную спальню дворца не хотелось. Здесь, над городом, лучше думалось, мечталось. В очертаниях холмов вокруг виделись ему сказочные здания и строй воинов, караваны, бредущие в неизвестные дали.

Город спал. Спал верхний город, где жили сильные и богатые, где находился дворец этнарха, Храм, построенный на месте того, изначального Храма с ковчегом Завета. Верхний город стоял на холме и был отделен стеной от мира горшечников и водоносов, мелких торговцев и мастеровых, мира маленьких людей – нижнего города. Нижний город – другой мир, который воин знал мало – тоже спал под защитой двойных стен Ерушалаима с грозными башнями и воротами.

В дрему был погружен лабиринт улиц, домов, переулков и площадей. Лишь изредка тишину прерывала переключка стражников, да порой от дома к дому пробежал огонек факела, освещающий дорогу запоздалому путнику. Спали горы вокруг. Спали долины, спали земледельцы и пастухи, спали священники и горожане. Лишь там, вдалеке, за горами не спало море. Да в зарослях под стенами города не замолкая пели цикады. Это был его мир. Мир, в котором он родился, мир, где жили все, кого он любил – мать, отец, братья, сестра. Мир этот, родной до боли, был совсем не простым, и с годами эта сложность только усиливалась.

Молодой воин знал, что его отца не любят и боятся. Считают чужаком, идумеянином. Его власть считают украденной, его положение при дворе Гиркана II, этнарха и Первосвященника Иудеи – результатом интриг и слабости недальновидного владыки. «Полукровка», выскочка у власти – читалось в их глазах. И хотя ни одно слово хулы не звучало (ведь вновь обращенные были признаны иудеями Первосвященниками и Великим Синедрионом), но косые взгляды, обмолвки, прерванные при его приближении разговоры не оставляли сомнений в том, как относятся придворные и ближние ко двору люди к советнику Антипатру.

Да и жена Антипатра, мать молодого воина, из царского дома богатого народа набатеев, издавна водившего караваны с пряностями в Дамаск, воспринималась без одобрения. Кулаки тяжелели, и кровь прилиwała к лицу от одной мысли о том, что говорили сторонники его врага, царевича Аристобула, о стране матери, о ней самой, о ее родном городе. Шепотом, в уголках. Но шепот этот переползал на улицы, вползал в уши людей.

Как же он их ненавидел – самодовольных, надутых «князей мира сего», весь мир которых ограничивался стенами верхнего города и состоял из бесконечных интриг и ссор. Они готовы превратить всю Иудею в бесплодную пустыню, лишь бы в этой пустыне быть первыми, избранными, «чистыми перед Всевышним». Но уроки отца он усвоил: никогда не показывая свою ненависть, ибо этим ты даешь оружие в руки врага. И юноша терпел, сдерживался там, где хотелось рвать глотки.

Он знал, что ненавистники были бессильны против расположения к отцу и грозного Александра Янная, могучего царя Иудеи, потомка героических борцов за свободу братьев Маккавеев, и его царственной супруги Саломеи – родителей нынешнего правителя.

Династия царей и первосвященников, правящая Иудеей, вышла из предводителей восстания народа против власти эллинской монархии Селевкидов. Селевкиды, наследники неистового Александра из Македонии, правили огромной страной, охватывавшей Сирию и Месопота-

мию, Персию и Мидию. На всем этом пространстве они насаждали правильный, по их мнению, эллинский образ жизни. Строили театры и гимнасии, храмы олимпийским богам и ипподромы для состязаний. В обиход вводился эллинский язык, постепенно вытесняющий местные наречия. Местные обычаи и верования объявлялись варварскими и пренебрежительно, походя, уничтожались.

Иудея не была исключением. Постепенно у иудейских аристократов в обычай вошли двойные имена (греческие наряду с иудейскими), эллинская одежда. Сам воин тоже носил иудейское имя Хордош и эллинское – Герод или Ирод. Задолго до его рождения иудейские аристократы, да и просто народье с удовольствием посещали театральные представления, участвовали в скачках. Но когда на священной земле Ерушалаима на месте древнего Храма царя Шломо со священным, пусть и утраченным, ковчегом Завета был возведен помпезный храм языческому божеству, терпению пришел конец.

Братья по прозвищу Маккавеи из рода Хашмонаим или Хасмонеев, как их называли в Селевкии, подняли восстание против царства Селевкидов. Борьба была долгой и кровавой. Победы сменялись поражениями и новыми победами. В конце концов, героизм и вера, которую братья смогли передать своим соратникам, отсутствие стремления у самих братьев к личной власти, любовь к единоверцам привели к тому, что восстание стало всеобщим. Эллинов вышвырнули не только из Иудеи, бывшей к началу эпохи лишь небольшим округом с центром в городе Ерушалаиме, но и из прилегающих земель. Хасмонеи стали царями и Первосвященниками Иудеи. Не последнюю роль здесь сыграл союз, заключенный первыми Хасмонеем с Римом. Римляне снабжали восставших оружием, обучали воинов, поскольку Селевкиды были их общими врагами.

Но, став монархами, изменились сами Хасмонеи. Армия, некогда созданная для освобождения страны и народа, стала армией захватчиков. Да и сама армия изменилась. Все большую ее часть составляли не крестьяне и ремесленники, взявшиеся за оружие, но наемники, отряды ближних к царю людей, «князей мира». От Красного моря до гор Леванта простиралась держава Хасмонеев. Одной из захваченных стран стала Идумея, страна Эдом из Святой Книги – мир, издавна живший торговлей пряностями и тонкими тканями. Идумейская знать, приняв иудаизм, начинает проникать ко двору Хасмонеев. Ее значение постоянно росло. Да и сегодня нет равного по могуществу в Иудее идумеянину Антипатру.

Чтобы отвлечься, юноша вспомнил другой город – в узкой лошине гигантской возвышенности, взгромоздившейся над бескрайними барханами пустыни, монотонно-прекрасный мир песчаных морей и редких оазисов, между которыми шли и шли бесконечные тропки торговых караванов, кочевали племена, перегоняя от пастбища к пастбищу свой скот.

Там, в городе Петра, столице древней Идумеи, а ныне Набатеи, во дворце, вырубленном в теле гигантской скалы, прошло детство. Набатея, аравийская страна, тоже торговала пряностями, прибывающими к берегам Красного моря. Кроме того, набатеи разводили скот и нередко совершали набеги на соседние земли. Среди этих воинственных людей и прошло детство Герода. Там мать рассказывала ему аравийские предания об отважных воинах и предприимчивых купцах, победителях драконов и злых волшебниках, о защитниках слабых и несчастных. Там долгие годы был его дом. Его старший брат носил не эллинское, как было принято среди иудейских аристократов, а арабское имя – Фасаэль.

Здесь, в Ерушалаиме, шла война. И мудрый советник Антипатр поспешил укрыть любимую жену и детей у набатейских родичей.

В тот год в Иудее оказалось два правителя: Иоханаан Гиркан и его брат Аристобул Маттафий. Оба – из рода Хасмонеев, оба – законные претенденты на престол. В период правления их матери, Саломеи Александры или, как ее называли иудеи, Шеломцион, Гиркан стал Первосвященником, а его брат, Аристобул – военачальником Иудеи. По Закону женщина не могла

быть заступником за народ перед Всеблагим. Потому и был возведен в сан Первосвященника Гиркан. Младшему же брату, Аристобулу, была поручена охрана границ.

Правда, военачальником он оказался неудачным. Походы, организованные им, закончились ничем. Столь же яростный, как и его отец царь Яннай, Аристобул не унаследовал его воинскую удачу. Царице приходилось переговорами, а порой и уступками решать военные проблемы, созданные Аристобулом. Саломея склонялась к тому, чтобы оставить власть мягкому и послушному Гиркану под присмотром верного советника, Антипатра. Любили Гиркана и простые жители Иудеи. Добр он был, не забывал о милости к единоверцу, даже если тот был только водоносом.

Но иначе думал его младший брат и его сторонники, происходившие из самых почтенных семей Иудеи, самых чтимых колен Израилевых. Забыли они, что есть только один истинный Царь Иудеи, а остальные лишь исполняют волю Его в Его отсутствие. Гордые своей «чистотой», строгим соблюдением Закона, они отвергали не только «язычников», но и собственный народ с полей. Ведь бедный человек, чтобы выжить, часто вынужден был отступать от тех или иных норм Закона. По мнению «князей мира», бедняки тем самым становились «нечистыми». С ними брезговали говорить, разделять трапезу, участвовать в общих праздниках. Гиркан был мягче и терпимее. Потому и отвергли его аристократы, только себя мнящие достойными веры Его.

Все бы было по плану матери, царицы Саломеи, крепко державшей власть, пережившей двух мужей, однако высший суд решил иначе. Саломею, которую не могли сломить ни мощь Селевкидов, ни превратности судьбы, ни дворцовые заговоры, сломила болезнь. За время болезни матери, когда Гиркан сидел у ее ложа, вытирал смертный пот с ее лба и возносил молитвы ко Всевышнему об ее исцелении, Аристобул прибирал к рукам войска, крепости, заводил сторонников среди сильных родов. Со смертью царицы и началась война.

Войну ждали, как девушка ждет первую ночь на брачном ложе – со страхом и надеждой. На что? И не скажешь. Только разговоры и во дворцах, и на рынке, и в маленьком селе шли одни и те же – о последних временах, о падении Храма и гибели народа. Сильные видели признаки падения в том, что простые люди переставали строго соблюдать Закон, а простые люди усматривали признаки приближающегося Конца в усиливающихся песчаных бурях и неурожаях, в войнах, со всех сторон накатывающихся на Обетованную Землю. Многие смирились с неизбежным концом. Они учились и учили жить после смерти, после падения Храма. В уединенных ущельях создавались общины мудрых, чтобы выжить, чтобы не прервалась связь времен.

Война была, как Рок, как новое испытание народа, которому грех противостоять, а нужно просто принять и выдержать. Учителя-фарисеи призывали примириться с реальностью, учиться жить в ней. Они сами были выходцами из простого народа, старались научить его своей мягкой мудрости, которая, по их мнению, угодна Всевышнему. Другие учителя удалялись от мира, чтобы сохранить чистоту, готовиться к жизни после конца не за счет единоверцев; эти называли себя ессеями. При всех различиях сходились они в одном: настали последние времена.

Так думали люди. Так думал, жил и чувствовал Первосвященник Гиркан, все больше размышляя о смерти, а не о власти. Но не так думали сильные и гордые, именовавшие себя саддукеями, забывшие о народе, считавшие его «грязным». Главным для них была их собственная «чистота». И пусть во имя ее погибнут тысячи! Не велика печаль, ведь это тысячи тех, «грязных» людей с полей. Их беды, их голод и смерть не трогали саддукеев – они не имели ценности перед Вечностью. Так думали они. Так считал Аристобул.

Гиркан уже готов был стать агнцем на алтаре, нести свою жертвенную голову или отдаться на милость брата, отречься и погибнуть, но рядом с ним оказался старший друг и советник Антипатр Идумеянин. Он верно служил его отцу и матери и теперь решил воплотить мечту

Саломеи о правителе Гиркане – чего бы это ни стоило. Антипатр почти насильно заставил Гиркана бежать из дворца, в котором ему угрожали каждая занавесь, каждый темный угол. Узнав о бегстве брата, понимая, чем это ему грозит (ведь Первосвященник – основной кандидат на престол), Аристокбул собрал войска и бросился в погоню.

И совсем бы пропала горстка беглецов с раздавленным и уже готовым к смерти царем Гирканом; но Антипатр был не таков. Будучи правителем Идумеи и родственником царя Набатеи Ареты, он призывает их под свои знамена и наносит поражение Аристокбулу. Юноша помнил, как собирались набатейские воины по призыву Антипатра, как он, еще совсем мальчик, мечтал вместе с ним скакать навстречу врагу.

Но оказавшись в безвыходном положении, Аристокбул обратился к помощи силы, противостоять которой Антипатр не мог. Посольство Аристокбула прибыло в Антиохию на Оронте к римскому полководцу Помпею, только что разгромившему парфянское войско, с просьбой о помощи. Рим, уже захвативший соседнюю Сирию, вошел в союзную Иудею. Тогда улицы Иудейских городов впервые увидели марширующих римских легионеров.

Юноша помнил этих воинов. Кажется, они были сделаны не их костей и мяса, а из камня. Они не разговаривали, не шутили. Они шли. И казалось, что ничто на свете не может остановить это движение. Аристокбул пытался это сделать, пытался хоть как-то управлять им же призванной силой, быть одновременно и данником, и царем. Он то заискивал перед Помпеем, то угрожал ему. То уезжал к своим войнам, то вновь бежал в лагерь Помпея. Но попытки согласовать присутствие римлян и собственную «сакральную чистоту» рушились одна за другой.

Антипатр понимал, что пока за Аристокбулом стоят римские войска, шансы его друга и подопечного, в которого постепенно превращался Гиркан, на престол совершенно ничтожны. Но понимал он и то, что издерганный, замученный своими комплексами претендент скоро выведет из себя грозного римлянина. Тем более, что и сам Помпей вызывал все большее озлобление партии саддукеев, сторонников Аристокбула, да и всего народа. Потому Антипатр выжидал. В конце концов, Аристокбул, разъяренный самоуправством римского легата Скавра и, еще более, кощунственными деяниями Помпея, вошедшего в Святой Святым Храма, бежал и заперся в горной крепости, начав стягивать к ней верные ему войска.

В этот момент на сцену и вышел Антипатр. Он понимал, что противостоять Риму и победоносному Помпею не может. И сколько бы он не ненавидел заносчивого римлянина, он вынужден был найти компромисс, договориться. В противном случае под ударами римских мечей пали бы головы всех жителей страны. То, о чем говорили Помпей и Антипатр, осталось тайной. Но в результате на престол вззошел Гиркан II, а Аристокбула под конвоем увезли в Рим, где тот погиб, отравленный по приказу Помпея.

Сам же Антипатр вышел из этой войны с огромными приобретениями. Он стал эпитропом, опекуном царя, хотя и продолжал называть себя только его другом и советником. Он смог помирить главные политические силы Иудеи. Те, хоть и не возлюбили друг друга, но от открытых нападений воздерживались. В стране установился мир. Оживилась торговля. Несмотря на официальное сокращение Иудейского царства, Антипатр прочно держал в руках все территории, некогда покоренные Александром Яннаем. В Иудее он был опекуном этнарха. В сопредельных арабских царствах – влиятельным вождем и родственником царей. В городе Аскелон, главном порту Палестины, он был другом и родичем городских владык, именуемых на эллинский лад булевтами, в Газе – одним из самых влиятельных кредиторов местного купечества.

Едва ли не каждый пятый караван с пряностями и тканями, который отходил от побережья Красного моря в сторону Дамаска, принадлежал Антипатру. Его торговые представительства раскинулись от Газы до портов Финикии. Богатство давало возможность ему содержать наемников, обучать иудейских воинов римскому строю. Часто он за свой счет устраивал бесплатные раздачи еды беднякам, давал зерно для посева. За это славили Антипатра по всем землям от Газы до Дамаска и Тира. За это и ненавидели его саддукеи.

Главное же, в дом Антипатра возвратилось счастье – вернулись любимая жена, дорогие сыновья. Позже, уже в Ерушалаиме, родилась единственная дочь Саломея и младший сын Иосиф. Да, брак с красавицей Кипрой был для Антипатра политическим союзом. Он женился бы даже в том случае, если бы она была хромой и одноглазой – союз с ее отцом был важнее счастья. Но рок был благосклонен к Антипатру. С женой он обрел любовь. Счастье в доме, почет и уважение народа, богатство... О чем еще мечтать? Можно, наконец, расслабить тело, насладиться всем, что доступно человеку. Но вот этого – беззаботности – не было.

Юноша знал, что отец внимательно следит за тем, что происходит на границах Иудеи и в далеких столицах мировых империй. Ночами к отцу приходили вестники из Ктесифона, столицы Парфянских владык, из Тигранакерта, столицы могущественного царя Великой Армении и, главное – из далекого Рима, ведь Иудея находилась под покровительством Рима. Значит, все, что происходило в далекой итальянской столице, было важным для Иудеи. Он, отец, постоянно кого-то с кем-то мирил, умудрялся договариваться и с близкими, и с самыми далекими людьми, заключал торговые соглашения, сулившие богатство всем участникам.

Только опыт и искусство отца позволили ему избежать множества конфликтов, а порой и большой крови. Так, между римлянами и кочевниками Аравии отношения грозили вылиться в серьезную войну. Антипатр оказался между молотом и наковальней, как сторонник римлян и родственник набатейских царей. Но и здесь он смог справиться.

Молодой воин и не помнил, когда полководцы уже снаряженных и готовых к битве армий, встречались бы... за пиршественным столом, где поклялись бы всеми своими богами в вечной дружбе и верности между кочевниками пустыни и Великим Римом. Уже тогда юноша выполнял поручения отца, вместе с его воинами совершал переходы по пустыне, сидел в шатрах владык, уговаривая их принять посредничество Антипатра, принять мир и Рим.

Тогда же он, Герод, ввел в дом свою жену, Дорис, вскоре подарившую ему сына. Правда, этот брак любви не принес. Отец Дорис помог Антипатру организовать переговоры между римским легатом и приближенными царя Набатеи. Брак был просто формой закрепления политического союза. Он не знал и не любил Дорис. Ради этого брака ему пришлось отказаться от юношеской любви. Но Герод был верен сыновнему долгу, долгу перед домом Антипатра. Брак – это союз, нужный для того, чтобы достичь Главной Цели. Маленький шаг на этом пути. Пути народа в Римский Мир.

Рим. Сколько всего связано с этим словом! Юноша помнил римские легионы, видел огромные корабли, проплывающие вдали от бедных рыбацких деревушек Иудеи. Отец рассказывал ему о чудесном городе с огромными мраморными дворцами и гигантским цирком. Он любил свой мир – мир бедных крестьян и мудрых толкователей веры, купцов и воинов; мир добрых женщин и сильных мужчин. Но как бы ему хотелось слить эти миры! Сделать мир детства таким же прекрасным, как далекий Рим; сделать его частью Рима. Не ждать гибели Храма, а воздвигнуть Новый Храм, величественный, как Рим, и мудрый, как Иудея.

Иудея, несчастная, разорванная бесконечными спорами, зажата со всех сторон сильными врагами, урезанная Помпеем... Как хотелось прижать к себе этот опаленный солнцем клочок земли, уберечь!.. Увы. Сделать это можно только под эгидой Великого Рима, в союзе с ним. Пусть это потом назовут изменой. Пусть потоки грязи прольются на него. Он сделает это. Он спасет свой народ, даже если сам народ не считает его своим.

...Небесная странница закатилась на горизонт. Ночь заканчивалась. Последняя ночь юности. Молодой воин знал, что две седмицы назад в Ерушалаим прибыло посольство римлян с письмом к отцу и Гиркану от Митридата Пергамского, союзника римлян и друга Цезаря. Помнил, как сразу же полетели гонцы к союзникам отца. Видел, как в казармах собирались в поход воины Антипатра, чистили оружие, готовили лошадей, припасы. Завтра начнется поход. Завтра он вступит в большую жизнь. Он – Герод сын Антипатра. Он – впитавший мечтательность

кочевников и изворотливость правителей, мудрость иудейской столицы с ее Храмом и силу Великого Рима. А значит, на его пути не будет преград.

Цикады смолкли. Но воин вдруг услышал иные звуки. Над городом, одетым в золотистое покрывало зари, разлилась невиданная песня – песня великой славы и великих дел. Она лилась, как нескончаемый поток, охватывала города и страны, землю и море. Его песня. Песня Героя.

Глава вторая. Римский гражданин

Герод, сын Антипатра, стоял возле входа в палатку в центре иудейского лагеря. Вернее, только одного из тех лагерей, которые расположились сразу за могучими стенами Аскелона. В течение недели близь древнего порта вырос новый город. Почти под самыми стенами располагался лагерь двух римских легионов, присланных из Сирии и Азии. Чуть далее, почти у моря, виднелись пестрые палатки наемников из державы Тиграна Великого, друга и союзника Рима. Эллины-гоплиты из Десятиградья держались обособленно; их палатки виднелись между холмами. С другой стороны от римского лагеря, у восточных ворот города стояли три тысячи пехотинцев, которые привел Антипатр, две тысячи всадников-набатеи, тысяча отборных лучников-итурейцев... Больше двадцати тысяч воинов. Столько Герод еще никогда не видел. Двадцать семь мощных боевых галер стояло в порту, готовые в любой момент выйти в море. Люди спешили.

Еще вчера, когда подошли последние отряды, в палатке Митридата Пергамского состоялось совещание командиров. Герод был допущен на него, хотя слова ему никто давать не стал. Но даже само присутствие на совете было для юноши огромной честью и опытом. Герод слушал и учился говорить кратко, по сути, не языком притчи или мудрого сказания, но языком боев, переходов и лагерей. Он помнил длинные речи на собраниях знати Иудеи, сложные и полные тайных смыслов беседы с вождями кочевников и булевтами эллинских полисов. Здесь все было иначе. После чаши вина во славу Великого Рима и его союзников Митридат, высокий мужчина с черной бородой, заплетенной на персидский манер, быстро описал ситуацию.

Покоритель галлов и иберов, победитель при Фарсале, консул и диктатор Рима Гай Юлий Цезарь осажден в цитадели Александрии уже больше трех месяцев. Сложилась нелепая, неустойчивая равновесие. Египтяне не могут взять цитадель. Все их попытки продвинуться в городе отбивают семь тысяч легионеров Цезаря. Взять цитадель со стороны моря не позволяют затопленные в Царской гавани корабли. Но и сам Цезарь не может выйти из укрепления. Египтяне смогли отбить несколько штурмов порта. Для полевого сражения войск не хватает. Город окружен более чем двадцатью пятью тысячами воинов, верных Птолемеям и ненавидящих римлян. Потому Великий Цезарь и отправил своего друга Митридата за помощью к верным друзьям Рима и друзьям Цезаря.

После речи Митридата говорил каждый командир. Уточнял, как именно будут передвигаться его отряды, где будет место общего сбора, кто им будет противостоять, кто обеспечит провиант и воду. Говорили на латыни, иногда переходя на более привычную эллинскую речь.

Герод смотрел на вождя. Ходили слухи, что его отцом был царь Понтийской державы, охватывающей все южное побережье Понта Евксинского, простиравшейся на тысячи стадий по Анатолии, Митридат Евпатор, некогда доставивший римлянам массу хлопот. После того, как одна из его наложниц понесла, он выдал ее замуж за подвластного ему в то время властителя Пергама. Правда то была или ложь, но облик его был поистине царствен и, вместе с тем, прост. Он был рядом и, одновременно, выше, чем все собравшиеся. Но даже этот сильный и большой человек был только одним из приближенных властителя Рима. Каков же Рим, если ему служат такие воины, как Митридат, такие правители, как Антипатр?

Отец на совете рассказал о том, что выяснили отправленные им в Египет лазутчики – с помощью соплеменников, проживающих там. К несчастью, соплеменники не готовы встать рядом с оружием в руках. Тридцать тысяч воинов-иудеев разом решили бы проблему. Но среди Совета иудеев Египта не было единства. Однако глава Совета, этнарх народа в стране Птолемея склонялся к союзу с римлянами. Он и сообщил немало ценных сведений, которые позволят войску действовать с максимальной эффективностью.

Местом сбора отрядов назначили невысокую горную гряду, за которой начинались болота, обозначавшие начало дельты Нила. Там, у самой кромки болот, в узком коридоре между ними и морем, стояла древняя крепость Сид, или, как называли ее эллины, Пелузий. Она и прикрывала путь из Азии в Александрию. Крепость старая. Стены не очень высоки – локтей до тридцати-пятидесяти. Со стороны дороги – двойные. Со стороны порта вообще стоит только одна стена. Прежде в крепости был гарнизон из гоплитов-иудеев, однако сегодня он заменен. В Пелузии ныне сидит четыре тысячи воинов, верных Птолемею XIII. Уже поэтому разгрызть этот орешек будет непросто. Но нужно. Без этого до цели просто не добраться.

Едва забрезжил рассвет, как огромный лагерь стал сворачиваться, походные колонны устремились по дороге в Египет. Бесконечный ряд вооруженных людей: смуглые сирийцы, бородатые армянские всадники, закованные с ног до головы в броню, летучие отряды конных кочевников, лучники-итурейцы, иудейские пехотинцы, римские легионы. Пыль на много локтей поднималась над войском. Она проникала в глаза, в горло. Но люди упорно шли вперед. Быстрее. Быстрее. Еще быстрее. Параллельно войску, в некотором удалении от берега, по морю шли галеры с воинами на борту. Быстрее. Быстрее. Еще быстрее.

***

Цезарь изнывал. Уже больше месяца, как он направил Митридата к римским союзникам за помощью. И уже месяц нет никаких изменений. Дворец, занимавший целый район и отделенный от Александрии стеной, осажден. Птолемей XIII Филопатор, клявшийся в верности Цезарю, теперь с яростью науськивает на него александрийцев и прочих египтян. Цезарь уныло смотрел сквозь колоннаду дворца на залив и гавань, на гигантское творение Сострата Книдского фаросский маяк со следами пожара (после недавней попытки Цезаря выбраться из западни; тогда ему пришлось вплавь добираться до дворца, держа в зубах пурпурный плащ римского диктатора).

– Боги, за что мне это? – вздохнул он. После бешеной скачки последних лет, да что там «лет» – всей жизни! – эта тихая западня казалась издевательством. Его не убили суллианцы после того, как диктатор внес его в проскрипционные списки. Впрочем, Цезарь понимал, что иначе Сулла поступить не мог. Врагов нужно уничтожать. Даже если они бывшие друзья. А он, Цезарь, был не только другом, но родственником самых заклятых врагов Суллы. Зять консула и популяр Цинны, племянник знаменитого Гая Мария, победителя тевтонов и кимвров, вечного соперника Суллы. Но ничего. Обошлось. Сулла не казнил римлян, входивших в сословие патрициев, и лично вычеркнул Цезаря из проскрипционных списков. Он мог сгинуть в Азии, попав в плен к пиратам, мог погибнуть в Иберии или Галлии. Боги хранили. В бою при Диррахии смерть уже витала над ним. Но незнакомый (кстати, нужно будет узнать имя) легионер прикрыл его от пики помпеянца. Пережить сто, тысячу приключений, невероятных событий – и сгинуть здесь, на краю мира, в этом дворце, насквозь пропахшем тлением...

В зал проскользнула тень, склонилась над креслом, в котором сидел римлянин.

– Великий Цезарь, радуйся! – промурлыкал нежный девичий голос.

Она. Все сложилось из-за нее. Ведь цель его поездки в Египет (кроме, конечно, погони за ненавистным, но где-то в глубине души родным и понятным Помпеем) была совсем проста: Цезарю нужны деньги. Очень нужны. Да, покорение и усмирение галлов принесло немалую добычу. Но, увы, деньги всегда утекали у Цезаря, как вода сквозь пальцы. Зрелища и раздачи привлекали плебс Рима, зато плодили долги его повелителя. Гражданская война уносила сотни тысяч динариев. Золото приплывало в руки полководца и... уносилось дальше, оставляя его карманы пустыми.

За Птолемеями же числился долг перед Римом. И немалый: семнадцать миллионов динариев. Он даже готов был простить потомкам диадоха семь миллионов. Но десять-то верните.

И тут этот проклятый евнух, Потин, фактически правивший от имени молодого монарха Птолемея. Когда прибыли два легиона, он извивался, как аспид. Плакался, что всю золотую посуду велел перелить, чтобы выплатить долг. Врал. Понятно, что врал. Но сделать-то ничего не мог.

Совсем уже накалился воздух в квартале дворца «Бога и царя Птолемея», когда Цезарь пригласил туда, изгнанную Потином же (то есть, конечно, волей монарха и народа Египта) принцессу Клеопатру. И тут было все разумно: на троне Птолемеев должен сидеть человек, полностью от Цезаря зависимый. Но вышло другое. Небывалое.

Цезарь знал женщин. В его жизни были разные и по длительности, и по официально-сти связи. Но здесь он встретил Женщину. Не красавица. Смуглая с несколько широковатыми скулами, миндалевыми глазами, тоненькая восемнадцатилетняя девочка. Нет. Не девочка. Богиня, чувствующая каждый импульс его немолодого тела, страстная и покорная, царственная и нежная – такая, какой он ее хотел видеть в этот миг. Цезарь прожил долгую и полную превратностей жизнь, знал людей. Он прекрасно понимал, что для нее он – последняя надежда на то, чтобы выбраться из забвения, взойти на трон Птолемеев. Но это было неважно. Это понимание не спасало. Он тонул в ее бездонных, как море за маяком, глазах, дышал ее дыханием, свежим, как ветер с гор, жил ее жизнью. Впервые победитель и покоритель мира был счастлив, как обычный смертный.

Но Боги завистливы. Пока Цезарь вкушал блаженство в объятиях Клеопатры, Потин действовал. Он отправил тайного гонца к войскам на границах и в метрополиях. И вот уже более двадцати тысяч египетских воинов окружили район дворца. Люди Потина упорно внедряли мысль о том, что все налоги, вызвавшие голод, идут только на покрытие долга жадному римлянину. В результате александрийцы восстали. Весь флот Птолемеев, сорок боевых галер, устремился к александрийскому порту. Цезарь очнулся от чар. Но было поздно. Он был в западне. Он смог заблокировать порт от флота Птолемеев, но сам выбраться уже не успевал. Тогда и возникла мысль о посольстве Митридата как единственном серьезном шансе выбраться из западни. И вот уже месяц от него нет вестей.

Руки Клеопатры обхватили голову Цезаря, губы заскользили по волосам. Мудрый Цезарь был и прав, и не прав. Жестокая учительница жизнь быстро дала понять еще совсем юной принцессе, что ее тело, ее искусство любви – это оружие. Смертельное оружие, способное даровать победу там, где бессильны мечи и золото. Именно это толкнуло ее на ложе уже немолодого римлянина. Но потом....

Потом началось наваждение. Могучий воин был наивен, как мальчик. Тот трепет, который в нем вызывали вполне обычные любовные игры, невольно передавался и ей. Она иначе, совсем по-другому, стала осознавать свое тело. Иначе смотреть на усталое и покрытое шрамами тело Цезаря. Она и прежде любила в одиночестве рассматривать себя в зеркало без одежды. Но прежде она видела в отражении кинжалы, по ее воле впивающиеся в горло врага, мечи, сражающие ее противников. Теперь она смотрела на себя, как на изящную вазу, привезенную некогда купцом-персом из далекой страны за морем. Но главным было даже не это. Она впервые за всю свою жизнь почувствовала себя любимой и защищенной. Она не вела бой, но нежилась и растворялась в силе своего мужчины.

Потом все изменилось. Потин перехитрил Цезаря. Александрию осадили войска верного Птолемеям полководца Ахилла. Прежняя Клеопатра уже бежала бы от проигравшего любовника. Но эта не могла. То, что она испытала, было сильнее ее. Она останется с ним, своим мужчиной. Если придется, то и на смерть.

Внезапный шум заставил ее отпрянуть. В зал вошел стражник:

– Господин, к тебе гонец от Митридата.

– Немедля впусти, – диктатор вскочил. Наконец-то. Но с чем он? Смог ли Митридат собрать силы, достаточные для снятия осады?

В зал вошел легионер в запыленном плаще. По его лицу было видно, что он мчался много дней.

– Великий Цезарь! – начал воин официальное приветствие...

Резкое и нетерпеливое движение руки повелителя Рима. Воин осекся.

– Армия Митридата идет к Пелузию.

– Сколько с ним войска?

– Девять тысяч легионеров, две тысячи тяжелых всадников, три тысячи легких, три тысячи иудейской пехоты, тысяча тяжелой пехоты из Десятиградья и лучники. Всего двадцать тысяч воинов.

Цезарь вздохнул и улыбнулся. Вскочил с кресла. По залу прокатился его рык. Он вновь почувствовал себя Цезарем. Победителем десятков сражений, повелителем мира. Девочка с испугом и восторгом смотрела на своего любовника.

– Так, – произнес, наконец, успокоившийся Цезарь. – Смени коня, одежду. Отдохни два часа и назад. Передашь войску, чтобы сходу штурмовали Пелузий и шли на Александрию. А мы подготовимся для их встречи.

***

Ночь почти без звезд. С моря нанесло тучи. Громады холмов протянулись от самого берега, теряясь в песках. Отряды римской армии скапливались за холмами. В крепости, конечно, знали, что на них идет войско. Лазутчики сновали вокруг не переставая. Далеко не все они нашли свой конец на пике или под мечом. Гонцы в Александрию уже наверняка посланы. Но одно дело знать, что они идут, а другое, что они уже совсем рядом. В пяти-семи стадиях. Поднявшись на холм, уже можно видеть в темноте стены, силуэты башен и факелы воинов, вышагивающих на стенах. План был прост до наглости: лобовая атака на стены Пелузия ночью. Сразу с марша. Во всяком случае, так объявил воинам Антипатр.

Едва успев отдышаться от пыли и промочить горло кислым вином, воины под покровом темноты побежали к стенам. Только добровольцы. Но таких набралось почти полторы тысячи. В основном, римляне и две сотни из иудеев Антипатра. Следом за ними должна выдвигаться и основная часть армии, пока еще скрытая за холмами. Вел отряд Антипатр. Герод бежал рядом, стараясь не отстать от отца. Фасаэлю и Фераросу Антипатр велел оставаться с основными силами. Юный Иосиф остался дома с матерью и сестрой.

Сзади молча бежали легионеры, неся деревянные и веревочные самбуки, приставные лестницы с крючьями, чтобы взбираться на стены, вязанки, чтобы засыпать ров. Легионер второй когорты первого сирийского легиона Аппий Фульвий бежал, чуть пригнувшись, по полю перед старой греческой крепостью. Сколько было таких крепостей в его жизни, он уже не помнил. Много. Была ли жизнь до того, как он взял в руки гладиус, короткий меч римлян? Наверное, нет. Все, что было в его жизни: лагерь легиона, палатка, строй. Он привык к такому ритму и жил им. Был счастлив. Аппий бросил взгляд на соседей по строю. Эх, ребята, тяжело вам. Потяните лямку с мое, тогда и полегчает. Вон, молоденький паренек из иудеев вышагивает, как деревянный. Наверное, вспотел уже, как в кальдарии, в бане. Трусит. По всему видно, что трусит. Но старается не показать. Это правильно. В первом бою всем страшно. Попривыкнет. Если, конечно, останется жив.

– Ничего, парень, – шепнул он Героду – прорвемся. Не трусь.

Герод, едва не сбив дыхание, повернул голову и улыбнулся в ответ.

Было ли Героду страшно? Трудно сказать. Для страха не оставалось ни времени, ни сил. Быстро и, главное, тихо переставляем ноги. Не шуметь. Не отстать от отца. Не опустить щит.

Ткань под панцирем пропиталась потом. Крепость все ближе. Там еще не ждут гостей. Часовые перекликаются. Кто-то засмеялся. Хорошо. Уже совсем близко.

Ворота закрыты. Но другого и не ждали. Было бы слишком наивно ожидать гостеприимно распахнутых ворот в крепости, готовящейся к осаде. Быстрее уйти под стены. Все. Их заметили.

Со стен раздались возгласы. Засвистели стрелы. Воины привычно подняли щиты-скупумы, образуя защиту от потока стрел. Успели не все. Из задних рядов донеслись крики, шум падающих тел. Так, бросаем вязанку в ров. Еще одну. За ним бросает следующий легионер. Еще один. По образовавшемуся мостику – к стене. На миг Герод обернулся. За рвом лежали десятки тел легионеров, которые не успели прикрыться от потока стрел. А на стене уже поднялась тревога. Сверху летели не только стрелы. На тех, кому посчастливилось пробраться к самому подножью укреплений, где стрелы не доставали, падали камни, зажженные факелы.

Но и у стены не дремали. Легионеры и иудейские воины, получившие благодаря Антипатру сходную подготовку и вооружение, взобрались на плечи друг к другу и в месте, где стена была чуть ниже, построили из сомкнутых щитов подобие лестницы, по которой уже бежали на стену следующие после ряды воинов. В других местах легионеры приставляли к стене лестницы, бросали вверх веревки с крючьями, пытаясь по ним вскарабкаться наверх. Сверху на них сыпались камни, лился кипяток. Защитники пытались оттолкнуть проклятые крючья, впившиеся в зубцы стен. Но римляне упорно лезли вверх.

Герод разглядел в утреннем полумраке фигуру отца, уже почти добежавшего до вершины пирамиды из щитов. За ним! Легко запрыгнув на «первую ступень» живой лестницы, он побежал по неровным щитам туда, где уже звенели сшибающиеся клинки.

Вот и стена. Герод спрыгнул с парапета. К нему кинулся египтянин с коротким мечом в руках. Тело, наученное многолетними упражнениями и десятками схваток на караванных тропах, действовало само. Щитом отвел удар, показал вниз и со всей силы ткнул в самое горло. Враг захрипел и завалился. На стене еще темно. Но было понятно, что легионеров становится все больше, а египтян оттесняют к башням, из которых продолжают лететь стрелы. Герод бросается в копошащуюся на стене толпу. Опять удар на щит и выпад мечом. Краешек солнца уже угадывался на горизонте. Темнота отступала. Враги тоже. Кажется, можно перевести дух. Стена наша. Но крепость держится. Пусть здесь нет трех рядов стен, как Ерушалаиме. Но даже два ряда – это серьезное укрепление. А взято только первое кольцо. Но где же армия? Совсем небольшой отряд – менее тысячи воинов – вошел в уже распахнутые ворота крепости.

Герод вопросительно посмотрел на отца, стирающего обильный пот после закончившейся стычки.

– Все поймешь позже. А сейчас – в бой. Нужно, чтобы сюда стянули все силы. Сражайся как тысяча духов пустыни!

Антипатр с сыном, а за ними и остальные воины бросились по перемычке на вторую стену, где скапливались свежие силы защитников крепости. Сражение закипело с новой силой под светом уже разгоравшегося утра. Через час бой шел уже на улицах Пелузия. Но постепенно наступательный порыв римлян стал затухать. Масса защитников просто давила все более редющий строй легионеров. Они накатывали, как волны, разбиваясь о железный строй щитов. Но каждый накат забирал несколько десятков жизней. И заменить их в строю было нечем.

Герод рубился рядом с отцом, временами поражаясь его спокойствию. Его меч поднимался так же сосредоточено и уверенно, как на занятиях с деревянными мечами во внутреннем дворе ерушалаимского дворца. Голос звучал так же громогласно, как и в те минуты, когда он разговаривал со старцами из Синагона.

– Держать строй. Держать строй, звери! Еще миг, и они дрогнут! – командовал Антипатр.

Но египтяне не побежали. Легионеров, которых становилось все меньше, уже начали обходить с флангов. На соседних улицах, где Антипатр смог оставить лишь немногочисленные заслоны, уже слышался шум схватки, исход которой, казалось, был предreshен.

Внезапно все изменилось. Издали, со стороны порта уже давно слышались крики, шум и лязг металла. Сначала едва различимый, шум этот становился все ближе. И вот из переулков домов, примыкающих ко второй стене крепости, вместо гоплитов Птолемеев хлынули войска Рима. Сражение превратилось в резню, крепость пала.

Митридат, понимая насколько сложно сходу взять Пелузий, зная, что самое слабое место в крепости – это укрепления в порту, а галеры, которые должны его защищать, ушли в Александрию, основной удар решил нанести с моря. Пока крепость сражалась с отрядами, штурмующими стены, главные силы были переброшены римской эскадрой в порт, разбили слабый заслон и ударили в тыл египтянам.

Больше полутора тысяч воинов римской армии погибло в этой схватке. Египтян – вдвое больше. Но самое важное – путь в Александрию теперь свободен. Войска вышли из города, где уже разгорался гигантский пожар. Воины располагались, кто где мог, чтобы немного перевести дух перед новым маршем.

Герод задержался на стене. Ему нравилось с высоты смотреть на огромное скопление вооруженных людей, каждый из которых был его другом и союзником, а все они – частью Великого Рима. Герод думал об отце. Он правитель? Да, безусловно, правитель. Но это – второе. Он воин? Конечно, он великий воин. Он первым взобрался сегодня на стену. Он смог связать боем почти весь гарнизон крепости. Но и это не главное. Что же главное? Молодой воин чувствовал, что вот-вот, совсем немного, и он поймет что-то очень важное. Про отца, про свою семью, про свою Судьбу.

Внезапно его взгляд упал на дорогу, что выходила из зарослей дельты Нила. Там что-то не то. Откуда эти люди? Чьи они? Их много. Их очень много.

***

На столе перед Гаем Юлием Цезарем лежал лист пергамента. Он писал. Рядом лежали уже исписанные свитки. Дневники он вел уже очень давно, со времен своего наместничества в Иберии. Зачем? Ответ прост, и он узнал и принял его еще в самом начале карьеры, когда враги принялись распускать про него гнусные слухи. (Успех его посольства в Вифинии они объясняли тем, что он вступил с ее царем Никомедом в протiwоестественную связь). Нельзя дать врагам возможность захватить твое будущее, написать твою историю.

И Цезарь писал историю – историю Великого Цезаря. Писал так, чтобы любой потомок, который решит вновь взяться за описание прошедших эпох, получил из его, Цезаря, дневников ответы на все свои вопросы. Будущее должно помнить о нем его словами, думать его мыслями. Это важно.

Цезарь оторвался от писания. Он задумался о ближайшем будущем. Как только Митридат ударит по войскам Птолемея и свяжет их, его легионы ударят навстречу. Враг окажется в тисках. А Александрия и весь Египет падет к его ногам. Нет. К ногам Клеопатры. Конечно, он возьмет из Египта все, что ему будет нужно, но разорять царство не станет, ведь править им придется любимой. А гордые римские орлы полетят выше, к сияющему солнцу, к владычеству над всем миром!

Или не полетят?.. Остаться здесь. Быть всегда вдвоем. Пусть сварливые старики и честолюбивые юнцы в Вечном городе изойдут ядом и захлебнутся им!..

Или нет? Диктатор не находил ответа.

В соседней комнате, где сидели стражники, послышалась возня. Вбежал примипил дежурной когорты.

– Цезарь! Египтяне снимаются и уходят!

– Как?!

– Против нас лишь малая часть их армии. Лагерь пуст. Я отправил разведчиков ночью. Они видели, как армия выступила на Пелузий.

– Проклятье! Мы можем опоздать. Быстро! Передать легату и трибунам – сбор и поход. Ты – он ткнул в примипила – вместе с трибуном Плавтом и двумя когортами остаешься и защищаешь дворец. Остальные – на Пелузий.

Сомнения были забыты. Враг оказался не столь наивным, как хотелось бы, и решил разбить римлян по частям. Цезарь не даст ему такой возможности. Теперь удар примет Митридат, а в спину египтянам ударят войска Цезаря. Лишь бы он продержался!

Еще вода в котелке над костром контунберна не успела бы вскипеть, когда пять тысяч легионеров были готовы к походу.

***

Герод бросился вниз, к расположению иудейских отрядов.

– Отец, там... – он задыхался, протягивая руку к дороге.

А над дорогой уже выросла плотная стена пыли выходящего из зарослей дельты войска. Его нужно задержать любой ценой. Армия римлян рассеяна. Люди отдыхают после сражения. Кто-то снял панцирь, почти все отложили тяжелые щиты. Стреноженные кони мирно паслись поблизости. Волна египтян просто раздавит римлян.

Это понимал Герод. Понимал это и Антипатр. Схватив сигнальную трубу, он громко дал сигнал сбора. Удивленные, не вполне понимающие причину, воины, тем не менее, кинулись к своему командиру – сработал приобретенный месяцами нескончаемых тренировок инстинкт. Антипатр мог гордиться своими воинами – даже римляне не собрались бы быстрее.

Вытянув отряд вдоль дороги, где пространство между болотом и морем было уже, а значит, меньше шансов на охват с флангов, он ждал приближающихся гоплитов. Последние оставались, растерявшись от столь стремительного возникновения строя врагов. Но длилось это всего мгновение. Увидев, что противников совсем немного, фаланга гоплитов, уже выстроившись в боевой порядок и выставив вперед пики-сариссы, покатила всей массой в сторону боевых порядков иудеев.

На счастье, за рядами воинов Антипатра (меньше двух тысяч), прикрытых ростовыми щитами-скутумами, стали скапливаться лучники из кочевых племен. Египтяне все ближе. Еще ближе. Узкое пространство не дает возможности для удара конницы. Она где-то там. За спинами гоплитов Птолемея. Но стоит фаланге хоть немного, на сотню шагов, потеснить противника, как конные или тут же нанесут удар. И удар этот будет смертельным.

Кочевники дали залп. Еще один. В небо взвились сотни и сотни стрел. Первые ряды фаланги подняли круглые щиты. Да, потерь немного. Хотя несколько десятков воинов, раненых кто в ногу, не прикрытую поножами, кто в руку, а кто и с пробитым горлом, вывалились из строя. Главное, что сплошная стена копий разбилась. И это только начало. Иудеи, заимствовавшие римскую тактику сражения, метнули свои пилумы, дротики с мягким медным наконечником. Еще десяток гоплитов оросил своей кровью александрийскую дорогу. Но большая часть пилумов застряла в щитах воинов первых линий. Прикрываться щитом, из которого торчит полтора метра жердь, не особенно удобно. Многие были вынуждены бросить их на землю.

Еще мгновение – и ряды противников сошлись. Раздался треск ломаемых копий. Первые крики раненых. Порядки Антипатра подались на несколько шагов назад. Но через миг все же выровняли строй. Бой. Герод поднырнул под пику египтянина в красном хитоне, и ударил по бедрам, не прикрытым щитками. Гоплит упал. В образовавшуюся между людьми брешь бросились еще несколько воинов.

– Все назад! – разнесся над схваткой рык Антипатра. – Держать строй!

Герод вывернулся и выскользнул за отхлынувшими ерушалаимцами. Но и гоплиты откатились. Правда, недалеко, буквально на пару шагов, ведь сзади на них давили следующие ряды. Но даже это было удачей. Строй Антипатра выровнялся.

Но врагов слишком много. Следующий удар был страшен. Первый ряд римских союзников был смят и почти уничтожен. Весь порядок отброшен шагов на двадцать. Но там фаланга завязла. Строй нарушился, и сражение превратилось в множество отдельных поединков. Римская выучка и короткий меч против копья и кинжала гоплитов давали здесь явное преимущество. Оно бы и сыграло свою роль, если бы противников было больше хотя бы вдвое. Но их было очень, очень много. Разрушенные гоплитские порядки, подпирались рядами свежих воинов с выставленными вперед копьями.

Горстка уцелевших иудеев шаг за шагом откатывалась назад, сохраняя подобие боевого порядка. Герод оглянулся. Отец жив. Братья? Кажется, целы. Хотя все это уже не важно. Из горловины на простор вырвались конные клинья. Еще немного, и они сомнут потрепанные ряды отряда Антипатра. Что ж – короткая, но правильная жизнь. Обидно, что ее было так немного.

Но почему-то всадники, вместо того, чтобы нанести последний удар по едва держащимся иудеям, повернули вправо. Что там? Наперерез коннице Египта плечом к плечу летел строй армянских всадников, закованных в латы. Прорехи в иудейском строю, грозящие в следующее мгновение оказаться рваными ранами, заполнили римские легионеры. Потрепанный отряд Антипатра отошел назад, а гоплитов встретили легионы Рима. Уже не цепочка обреченных стояла против армии Египта, а Сила противостояла Силе. Армяне врезались в конницу Птолемея. И те, и другие создавали свои кавалерийские отряды по образцу скифов, но армяне были лучше вооружены и защищены. Конные илы наследников неистового македонца были отброшены. Все поле перед стенами Пелузия было покрыто телами. Численное преобладание египтян компенсировалось римской выучкой и неистовством кочевников.

Уже больше двух часов шло сражение, а Ника не готова была улыбнуться ни одной, ни другой стороне. И когда начало казаться, что эта бойня будет продолжаться вечно, над полем прокатилось мощное «брра!», выкрикиваемое тысячами глоток. На дорогу вытекала лава легионов Цезаря.

***

После многодневного пира в Александрийском дворце, занимающем целый квартал, примыкающий к Царской гавани, были объявлены награды, пожалования воинам и военачальникам, друзьям и подданным. Цезарь, как всегда, был щедр и милостив. Восседая на троне между Клеопатрой, в этот миг величественной и загадочной, и ее смущенным и растерянным братом-соправителем, господин Рима и Мира благожелательно улыбался подхажившим к трону. Да и те, что стояли поодаль, удостоились его внимания. Кто-то – взгляда, кто-то – кивка. Диктатор умел ценить верных людей. Впрочем, и в предшествующие дни, на пирах, было сказано немало добрых слов о соратниках и друзьях Великого Цезаря.

Сам пир потряс воображение Герода. Он видел пиры царей и властителей. Ездил с отцом в богатый город Аскелон, бывал в славном Дамаске и бывшей столице Селевкидов, Антиохии, ныне резиденции наместника Сирии. Да и Ерушалаим был большим городом и мощной крепостью, где пирами увлекалась дочь царя Гиркана, Александра. Но то, что он увидел здесь, потрясало.

Огромный зал, уставленный столами с самой невероятной пищей, гигантскими рыбинами, даже названия которых он никогда даже не слышал, таящими во рту паштетами, дворцами и башнями, построенными из фруктов, изысканными сладостями, вином.... Всего не перечислить. Столы покрывала роспись и инкрустации из драгоценных камней. Герот недовольно подумал, что за один такой столик можно нанять сотню воинов.

Стены зала были покрыты изящной резьбой и росписью, задрапированы тканями с изображением удивительных животных и растений. Это тоже было в диковинку, иудеи хранили запрет на изображения людей и животных. Сами ложа, на которых возлежали гости, были

удобно изогнуты. Их застилали мягкими одеялами, покрытыми тончайшей тканью, ласкающей тело. Светильники, горевшие вдоль колонн по краям зала, не развеивали тьму, а освещали празднество. Курильницы источали нежный аромат. Зал открывался в огромный двор дворца, отделяясь от него рядом колонн.

Там, среди кустов, покрытых яркими цветами с дурманящим запахом, среди порхающих птиц и бассейнов с журчащими фонтанами, тоже стояли столы и лежа. Все соратники Цезаря, вплоть до последнего центуриона, были приглашены разделить его радость. Сотни рабов подавали бесчисленные перемены блюд. Десятки арфистов и танцовщиц услаждали слух и взор гостей владык Египта и Великого Римлянина. Заздравные речи звучали в честь Цезаря, Клеопатры и даже четырнадцатого Птолемея, маленького брата Клеопатры и погибшего в битве у Пелузия Птолемея XIII. Не были забыты ни Митридат, ни верные legionеры, ни вожди союзников Рима. Среди них особенно часто диктатор вспоминал Антипатра.

Антипатр, первым поднявшийся на стену Пелузия, обеспечивший войску победу в сражении, которое уже называли «битвой у иудейского лагеря», получил великую награду и великие почести – он был назначен «оком Рима», прокуратором в Иудее. Собственно, отличие от того, что он и так имел в качестве опекуна Первосвященника и этнарха, было в том, что он оказывался еще и римским чиновником, достаточно высокого ранга. Он сам и его дети, в том числе Герот, получали статус римских граждан и зачислялись во всадническое сословие. Тем самым их благополучие, их жизнь гарантировались Великим Римом и его владыкой. Но и это было не все.

Под начало Антипатра передавался один из сирийских легионов, стоящий в Самарии, сбор земельной подати в Иудее в пользу Великого Рима. Сама Иудея расширялась. Под руку Гиркана II, вновь именовавшегося теперь царем иудейским, то есть под власть Антипатра, вернулись Галилея и некоторые прибрежные территории. Он получил право восстановить стены города Ерушалаима, частично разрушенные по приказу Помпея в тот черный год, когда Помпей вошел в Святой Святынь Храма. Египетское золото оттягивало пояса. Караваны с пленниками и ослики с добычей следовали за войском. Можно было возвращаться.

Но отец повернул влево от конопских ворот к гавани, располагавшейся за казармами, где теперь квартировали римские легионы Цезаря.

– Нам нужно заехать к нашим единоверцам, – объяснил он детям. – Пусть люди пока едут домой. Через пару дней мы их нагоним.

– Зачем они нам? – бросил старший брат, Фасаэль. – Они ничем не помогли нам в бою.

Отец удивленно и несколько огорченно посмотрел на сына, как на малыша, нехоти обмочившего колыбель, но ответил:

– Почему они должны были нам помогать? Ведь это мы пришли к стенам их городов с оружием в руках. Они жили мирно и благополучно. А тут пришел римлянин, а за ним мы. Почему они должны были воевать за нас? Понимаешь, сын, у них тоже есть правда. Правда есть у каждого. Нельзя любить или ненавидеть человека за то, что у него другая правда. С ними нужно договариваться. Поэтому и ты, и твои братья будете вежливы и почтительны к людям, в доме которых мы заночуем. Хотя бы потому, что так хочу я, ваш отец. Да к тому же, – продолжал он, – кто сказал, что не помогли? Ты не знаешь, почему нам было известно все, что делалось в городе? Почему александрийцы легко дали Цезарю выйти из города, а нам в него легко войти?..

Встреча прошла во внутреннем дворе богатого дома, над входом в который горела золотая шестиконечная звезда. Их встречал старик с бритым лицом, одетый в богатую хламиду, заколотую на плече изящной серебряной брошью в форме цветка, инкрустированного крупным алым камнем. Отец церемонно поклонился ему, и они прошли в дальние комнаты. Слуги проводили братьев во внутренний дворик, где уже стояли лежа, покрытые дорогой тканью, а столы были уставлены разнообразной снедью.

Возлежащий во главе стола мужчина в эллинском платье, но с лицом, украшенным иудейской бородой, прочел молитву и предложил присоединиться к трапезе. Юноши последовали его приглашению. За столом текла вежливая беседа ни о чем. Гости демонстрировали свою почтительность, хозяин – заботу и радушие. Отец и старик показались только часа через два, когда застолье уже начинало откровенно тяготить Герода. Оба были крайне довольны и всем видом показывали расположение и почтение друг к другу.

Рабы переменили столы. Вновь прозвучали привычные слова молитвы. Но потом... Гостям и хозяевам подали лохани для омовения, венки. На новых столах появилось неразбавленное вино, фрукты. Из-за боковых занавесей, прикрывающих вход в помещения для слуг, вышли музыканты. Иудейская трапеза превращалась в эллинский симпосий. Почему-то Героду это было не то, чтобы неприятно – скорее, странно. Но он старался быть вежливым, начиная понимать ситуацию. Впрочем, пока держа понимание при себе. Братья выглядели гораздо более ошарашенными. В Ерушалаиме люди были или эллинами, или иудеями. Здесь это оказалось смешано в одном доме. Старик посмеивался над шутками Антипатра, да и над удивленным видом Фасаэля и Ферароса; с уважением и одобрением кивал уместным и почтительным фразам Герода.

Утром, когда они проезжали ворота, Герод спросил:

– Прости, отец! Теперь у нас будут дела с Александрией?

– Ты все правильно понял, сын, – улыбнулся отец.

Видя непонимание в глазах младшего, он снизошел до объяснения.

– Смотрите, – обратился он к сыновьям. – Мы уже много лет водим караваны в Дамаск. Это хорошее дело. Купцы из страны Инд продают нам пряности на берегу Красного моря по две серебряные драхмы. В Ерушалаиме платят уже по три драхмы. В Аскелоне за вес пряностей дают уже пять драхм, а в Дамаске платят золотой, то есть десять драхм. Конечно, не все караваны доходят. Но даже то, что доходит, позволяет нам есть свой хлеб, платить своим воинам, дарить украшения нашим женщинам, строить крепости и дороги, покупать покровительство и союзы. Вы все это знаете.

В Дамаске и в Тире купцы торгуют нашими пряностями уже за два десятка серебра. Но им этого мало. Они легко могут договориться и снизить нам цену. Больших кораблей, чтобы самим везти пряности в Элладу или Италию, у нас нет. Караваны в Иран, Пергам, Понт или Армению мы не водим. Потому будем вынуждены продавать товар за столько, за сколько захочет его купить торговец из Дамаска.

Совсем иной разговор пойдет, если часть товара будет уходить через Александрию. Александрийцам это выгодно. Конечно, через какое-то время они тоже захотят уменьшить нашу долю. Но они будут знать про Дамаск. Поэтому не решатся. В Дамаске же будут знать про Александрию. И тоже остерегутся.

– Отец, но ведь мы никогда не водили сюда караваны. Наши люди не знают здешних дорог, – сказал Фасаэль.

– А ты сам что думаешь?

Фасаэль минуту помолчал:

– Думаю, что до Аскелона мы доберемся легко. Три дня пути и дорога известная. Там нас примут и разместят родичи. Оттуда еще неделя. Нет, наверное, две недели. Караваны идут медленно. Там можно сделать остановку в Газе. Оттуда уже не далеко. Да и дорога там хорошая. Есть вода. Можно пройти. Только охрана нужна. А еще лучше заключить союз с кем-то из местных владык. А там уже Египет, если вести караван из Ерушалаима. Но можно же и через Газу. Хотя это и непросто.

– Это мы и обсуждали с этнархом Александрии, – сказал отец.

– Отец, а почему им самим не возить ткани и пряности? – спросил младший брат.

– Их порт маленький и неудобный. Кораблям пристать трудно. А в порту Эцион-Гевер, который эллины называют Эйлатом, на земле идумейцев, корабли пристают уже много веков. В Египет они везут только очень дорогие вещи. Кроме того, все, что поступает в порты Египта, становится собственностью царя и бога Птолемея. Он сам назначает того, кто будет этим торговать. А александрийским купцам это не очень нравится.

Александрия уже скрылась из виду. Они молча ехали по дороге вдоль моря. Нужно было как-то успеть выбраться из дельты до сумерек, когда из болот, окружавших столицу Птолемея, вылетали тучи кровососущих насекомых, от которых не спасали ни пологи, ни дым костра.

– Отец, а зачем нам новые доходы? Разве нам чего-то не хватает? – внезапно прервал молчание самый младший брат, Ферарос.

– Хватает. Конечно, хватает, если говорить о том, что нужно человеку, как животному. Еда, питье, пещера, защита от холода, подруга, чтобы греть ложе. Но человек – не животное. Или не совсем животное. Когда Изначальный изгнал наших предков из Эдема, то дал им голод и страх. И это было не только наказание, но и огромное благо, как все, что исходит от Него. Голод заставляет человека двигаться, действовать.

Чтобы избавиться от голода, земледелец напрягает мышцы, взрыхляет землю, бросает зерно. Чтобы не голодать, пастух в буран спасает заблудившуюся овцу. Не спит, сторожа свое стадо, заботясь о нем. Чтобы есть досыта, купец ведет караван через пески и горы, выводит корабль в бушующее море. Это голод делает человека предприимчивым. Но он лишь средство.

Есть еще страх. Он напоминает нам о Сущем, Изначальном. Он рождается вместе с маленьким человеком, как память о потерянном Эдеме, покое и довольстве. Потом, когда человек растет, возникает другой страх – страх за близких и родных, страх не справиться с делом, за которое взялся.

– Это уже не страх, отец, – вновь подал голос Ферарос. – Это – ответственность. Разве нет?

– Конечно так, сын. Но ответственность тоже рождается из страха. Страх не сделать то, что должен, страх причинить боль и горе близким.

Солнце уже начинало клониться к закату. Со стороны моря дул ветерок, разгоняя духоту и комаров. Дельта заканчивалась. Показались руины Пелузия со следами пожара. Мертвецы уже нашли упокоевание, но земля еще помнила о недавней битве: то здесь, то там лежали сложенные копья, щиты, осколки панцирей, клочья ткани. Смерд от засохшей крови еще не вполне выветрился из этого места.

Всадники молча проехали мимо крепости. Через какое-то время отец продолжил разговор. Такие беседы были важной частью жизни их семьи. С раннего детства своих сыновей Антипатр, несмотря на постоянную занятость трудными играми взрослых мужчин и воинов, находил время, чтобы наставлять их в жизни. Под сенью родного дома или на ночевках близ колодца в пустыне он делился с детьми тем, что знал и думал сам.

– Да, ответственность тоже рождается из первоначального страха, – продолжил он. – Но это – маленькая ответственность. А если Всевышний наделил тебя силой, то ты обретаешь главный страх и главную ответственность – за свой народ, за людей; ответственность не перед кем-то из них, а перед Высшим Судьей. И тогда ты берешь страх тысяч и тысяч людей на себя, избавляя их от тягот ответственности. Ты становишься их заступником перед Всевышним. И здесь нужна Сила. Золото – это один из источников Силы, то, чем ты можешь поделиться с людьми. Спасти их от беды. При этом не обидеть их пренебрежением, не унижить – но возвысить, наделить и их силой.

– А доблесть? – не выдержал Фасаэль. – Разве не доблесть – главный источник силы?

– Конечно, доблесть тоже. Но этой силы может не хватить на народ. Александр из Македонии прославлен в веках, но велик ли его народ? Благополучна ли его Родина? Нет. Она бедна, а народ захвачен Римом. Вот в том и дело. Если ты решил взвалить на свои плечи

груз тягот всего народа, то о личной доблести лучше думать реже. Даже доброта, даже любовь часто окажется для тебя непозволительной роскошью. Тебе придется изворачиваться и приспособливаться, интриговать и казнить. Ты, принимая власть, берешь на себя всю грязь этого мира, чтобы кто-то другой смог войти в сонм Праведников, а люди, доверившиеся тебе, избавились бы от голода, наслаждались покоем, добротой и любовью. Золото, дружба, родство – все это средства для главного.

Тут пришел черед Герода: – Постой, отец. Но патриархи народа, вставшие на сторону Аристобула, тоже алкали золота и имели власть. Но о народе с полей они и не вспоминали, называя единоверцев толпой, чернью, недостойной быть избранным народом. Их сила не стала источником ответственности за других людей, а страх был только страхом за себя. Они видели только в себе Его народ, заботились о собственной праведности. Они ведь тоже в чем-то правы. Если нет тех, на кого равняться в соблюдении Закона, то исчезнет и сам Закон. Нет? Здесь что-то не так?

– Трудный вопрос, сын. Кто-то из них искренне заблуждался. Или, точнее, имел свою правду. Многие считали и считают, что карам Единого не должно оказывать сопротивления – нужно их принимать. Если в пророчествах говорится о падении Храма, то он должен пасть вместе с народом, но сохранить чистоту крови и веры. Все, кто противится этому, противятся воле Всевышнего. Так считают эти люди. Это – их правда.

Другие люди считают, что они ближе к Всевышнему и потому заслуживают всех благ, которые имеют. И ничего не должны народу и Ему за эти блага. Для них важно сохранить чистоту для себя, но не делиться ею с другими людьми. Но и эти не самые страшные. Они просто обманулись, неправильно поняли слова Книги. У них – другая правда, но она есть. Пусть мы ее не можем принять, однако с тем, у кого есть правда, всегда можно договориться.

Самые страшные – это те, кто делают вид, что имеют страх и ответственность перед народом, а на самом деле только утоляют голод. Они тоже изворачиваются и скользят, но делают это без Большой Цели, просто во имя Большого Голода.

– А как ты считаешь, падет ли Храм? – вновь прервал проповедь отца Герод. Он понимал, что отец все это говорит не им, и даже не себе. Он говорит с тем Высшим, кто вел его всю жизнь.

– Не знаю. Истину знает лишь Он. Но пока я жив, Храм и мой народ будут стоять. Во всяком случае, для этого я сделаю все. Это – моя правда!

Отец замолчал. Молчали и сыновья, думая каждый о своем. Фасаэль думал о доблести и славе в веках. О том, что он не хотел бы жертвовать ими, даже во имя того, чтобы стать заступником за народ перед Всевышним. Ферарос думал о том, как подарит золотую цепь из своей египетской добычи той, что прекрасней всех. Представлял, как вспыхнут ее глаза. Как она опустит лицо. Какой она будет... необыкновенной. Нежность стискивала сердце юноши.

Герод же думал о правителе, как его понимал отец, и о Юлии Цезаре, которого увидел и узнал. По тому, что он слышал и знал об этом человеке, это и был тот, кто взял на себя общий страх, кто сражается, чтобы наступили мир и прощение, казнит даже тогда, когда хочется милловать. Сын, как и его отец Антипатр, считал, что только союз с Римом даст маленькой Иудее единство и защиту, покой и процветание. Цезарь и воплотил для него лучшие черты Рима. Он был мудр и бережен с друзьями, беспощаден к врагам, понимал выгоду мира и необходимость силы. Он жаждал славы, но славы вместе со Славой Рима.

Однако то, что в Египте все это – война, подвиги, политика – были не для Высшей цели, а для Клеопатры VII, было Героду странно. Отталкивало. Он знал любовь и ответственность за семью. Жила любовь и в семье отца. Но это было там, на периферии мужского мира. Отец заботился о жене и детях. Но жил не ради них. Было что-то другое, что он никогда бы не поставил ниже самой обольстительной из женщин Мира.

Почему-то к гордости за то, что сам Великий Цезарь сделал его гражданином Рима, при-
мешивалась грусть. Ему казалось, что любовь затягивает Цезаря в темную воронку, на дне
которой только смерть. Он вздохнул, вспоминая волевое лицо Великого Римлянина, его слова,
обращенные к Антипатру и его сыновьям, к самому Героту.

Прощай, Цезарь! Пусть твои боги будут к тебе благосклонны на том берегу. Быть может,
Клеопатра – это их последний подарок за жизнь отданную другим. Но союз их семьи и Рима –
это союз не с Цезарем или Помпеем. Люди приходят и уходят. Их силу и слабости надо пони-
мать и прощать. Но Рим остается. Они, дом Антипатра, связали свою судьбу с Римом. Именно
они станут проводниками Иудеи в новый и дивный мир. Мир Рима.

Солнце коснулось морской глади, заиграв огненными бликами по всей ее поверхности.
Вдали уже виднелся столб пыли. Они нагоняли своих воинов. Скоро между холмов покажутся
крыши домов Ерушалаима

Глава третья. Тетрарх Галилеи

Крыши домов Ерушалаима сплетались в загадочном узоре, разрывались колоннадами и дворцами, пестрели, одновременно радуя и утомляя глаз. На восстановленной стене города, опираясь спиной на парапет, стоял проклинаемый и прославляемый идумиянин Антипатр, прокуратор Иудеи, опекун Первосвященника Гиркана II. Он думал, заново переживая события последних лет.

После возвращения в город войска, после того, как он перед старцами Синедриона объявил о восстановлении стен и расширении границ, о возрождении царства Иудеи, завистники притихли. Царь Гиркан II, Первосвященник народа, не отпускал свою «няньку» от себя. Антипатр уставал от своего подопечного, от его бесконечных разговоров о близящемся Конце, от религиозных бесед, которые тот постоянно затевал. Но прекрасно видел, что Гиркан – настоящий Первосвященник, живущий расписанным до мелочей миром молитв, ритуалов, Закона. Тяготы управления людьми были для него ненавистны. Их он с удовольствием отдавал Антипатру. И только в нем видел защиту от буйных сыновей покойного брата Аристобула, осевших в Сирии. Только в нем он видел избавление от вечных прений с гордыми главами Великих семейств, стремившихся править, как независимые князья, опираясь на собственные отряды воинов. Он, Антипатр, привык жить в мире их вечных интриг, ждать удара с самой неожиданной стороны. Он привык действовать, помня об их постоянной ненависти к нему. И о еще большей ненависти друг к другу.

Антипатр понимал, что их ненависть притихла на время – слишком велики приобретения Иудеи, сделанные благодаря «идумейцу». Но это сейчас. Члены Синедриона из саддукеев, гордившиеся своим происхождением от древних вождей народа, никогда не примирятся с тем, что реальная власть находится в руках «идумеянина». Понимал он и то, что вечное противопоставление себя всей округе, претензии на особый статус Иудеи рано или поздно станут причиной катастрофы. Строгость Закона может стать не благом, но источником несчастий. Но он не рубил сплеча. Иудеи со времен возврата из вавилонского плена жили так. Привычки меняются медленно. Иудея должна врасти в Рим. Он умел ждать и терпеть, обладал выдержкой крокодила в засаде и упорством носорога.

Только дел было слишком много. Он должен постоянно держать под контролем осиное гнездо в Ерушалаиме. Но на севере, где проходят караванные тропы, лютуют разбойники – значит, кто-то должен обеспечить безопасность торговли, новые торговые пути. На юге, в Александрии, складываются новые возможности в торговле хлебом. Но чтобы их использовать, нужно ехать туда. В Набатее назревает война между племенами, которая очень нежелательна и самому Антипатру, и его тестю, правителю Набатеи. В Персидский залив начинают приставать корабли с пряностями, и это – далекая, но реальная угроза его процветанию.

Антипатр понимал, что не успевает. Он только человек. Нужны помощники. Но на кого опереться? Верных советников, способных на самостоятельные деяния, не так много. Супруга Кипра продвигала своих родичей, набатеев. Их становилось в доме уже больше, чем его сородичей и подданных из Идумеи, больше, чем иудеев. Они проникали на придворные должности. Антипатр, хоть и любил жену, понимал, что интересы ее родичей далеки от интересов Иудеи, да и самого Антипатра. Даже помирить набатейцев они не смогут. Ведь каждый из них – чей-то родич, значит – чей-то враг. Кто же свои люди, где они? – думал уже немолодой правитель. – Только дети. Но как не хочется бросать их, горячих и неопытных в горнило интриг и коварства, где каждый шаг может оказаться последним. Не одну неделю он взвешивал и так, и эдак. Но другого варианта не нашел. Только сыновья смогут стать его опорой.

Тем более, что при восстановлении стены Ерушалаима Герод и Фасаэль проявили себя блестяще. Стена росла, как по волшебству. Оплачивал ее строительство сам Антипатр – из того

золота, которым одарил Цезарь. Но Герод придумал, как извлечь из строительства дополнительное благо. Вместо рабов, он нанимал голодных безземельных соплеменников, которыми, к несчастью, изобиловала страна. Платил им полновесной ценой, кормил. И бедняки славили имя Антипатра и сына его Герода. Фасаэль же смог преподнести строительство стены старейшинам, как новый шаг в восстановлении Великой Иудеи. Его речи все увереннее звучали на собраниях Великого Синедриона. Ферарос уже помогал отцу в торговых предприятиях, а Иосиф, пока еще совсем молодой, уже рвался с воинами в сражения. Хороших детей он воспитал. Только вот как же страшно выпускать их в злой и жестокий мир! Хотя есть ли другой выход? Нет. Они – взрослые мужи, прошедшие воинскую школу. Он дал им все, что мог дать. Теперь их учителем станет жизнь.

Решение было принято и безоговорочно одобрено царем, скреплено римлянином Марком Антонием, другом Антипатра. Фасаэль становился тетрархом Ерушалаима, правой рукой Антипатра. Герод отбывал тетрархом в далекую и опасную Галилею. Ферарос по приказу отца отбывал в Газу для контроля над караванами, идущими в Александрию, для организации пути товаров из Дамаска и Парфии. Самым трудным было поручение Герода.

Уже не один год в Галилее власть царя почти не ощущалась. Слабые правители попадали под влияние обстоятельств, терялись перед трудностями. Реальную власть все больше забирал глава местных разбойников Хезкияху сын Гарона, называемый также Иезекия, который именовал себя главой повстанцев и владыкой Галилеи. Под его крыло стекались все недовольные римлянами, Антипатром, Гирканом, да и просто любители пограбить.

Активность действия властей парализовалась еще и тем, что члены Малого Синедриона – Главного суда области – в основном были связаны с «владыкой Галилеи». Они оправдывали разбойников, даже если они попадались с поличным, запрещали активные операции расквартированных в провинции войск. Да и Великий Синедрион в Ерушалаиме был расколот. И там тоже Хезкияху для многих был хоть и занозой в теле Иудеи, но «своим» и вызывающим симпатии настолько, насколько вызывали ненависть Рим и Антипатр. Нужно было победить разбойников, не уничтожая их. Нужно было обеспечить путь караванов дома Антипатра через Галилею к портам Финикии в обход Дамаска. Эту задачу и предстояло решить Героду.

***

Утро было морозным, и слуги внесли в комнату Иосифа Флавия жаровню. Но ее тепла едва хватало, чтобы немного обогреть помещение. Нужно было пройти в таблинум, где хранилось множество списков в документов, прибывающих со всех сторон света, со всего римского мира. Но вылезать из нагретой кровати не хотелось. Флавий остался полулежать, укрывшись, насколько было можно, теплым одеялом.

Слегка перекусив лепешками с сыром, запив их разбавленным вином, он вернулся к своему труду. Лежа в никак не согревающейся комнате, он вспоминал палящее солнце Иудеи, проклятое Единым море и огромное озеро на севере страны, в Галилее. Это был поистине благословенный край: земля плодородна, луга покрыты высокой травой, густые леса стоят на склонах холмов. А там, за холмами, лежит Сирия, некогда славная страна, ядро державы Селевкидов, а ныне – провинция Великого Рима. Как же давно это было...

Галилеяне – не вполне иудеи, как и самаритяне. Чистому верующему нежелательно даже принять от них воду в жаркий день, а не то что пировать за одним столом. Но эту землю тоже присоединил к Иудее род Хашмонаим, Хасмонеи, выселив оттуда греков и поселив иудеев. И он, Иосиф, один из последних продолжателей рода. Да, без права на престол и сан Первосвященника. Но кровь одна.

Пальцы привычно выводили на восковой табличке слова:

Ирод, как деятельная натура, скоро нашел случай выказать свои дарования. Атамана разбойников Иезекию, опустошавшего окраины Сирии, он поймал и казнил, а также истребил многих из его шайки – подвиг, который снискал ему великую признательность сирийцев и галилеян. В селах и городах прославлено было имя Ирода, как спасителя страны и водворителя мира и порядка.

Флавий отложил стилус и задумался. Годы уходят. Уходят люди. Вместе с ними стирается то доброе, что они сделали. Почему-то потомки, влезая в такие сферы, про которые постороннему человеку и знать-то не стоит, гораздо охотнее смакуют грязь, чем восхищаются деяниями предков. Будущее не хочет знать о своем прошлом, не хочет сравнивать себя с ним. Может быть, из страха, что сравнение окажется не в его пользу.

***

Герод разбирал письма в задней комнате своего дома-дворца в Сепфорисе, столице Галилеи. Впрочем, дворцом это строение можно было назвать с сильной натяжкой. Десяток жилых комнат, большой зал для совещаний и приемов, комнаты для слуг, небольшая казарма для воинов личной охраны да хозяйственные пристройки. Все это обнесено глиняной изгородью в два человеческих роста с башней в передней стене. Стена – не прихоть. Часто только она спасала дом и его главу от желающих увидеть цвет внутренностей людей из дома Герода.

Здесь было трудно. Очень трудно. Сразу по прибытии тетрарх очутился в странной атмосфере лени и страха. Люди на улицах были напуганы. Дороги пусты. Стража ленива и совершенно не воинственна. Впервые въезжая в Сепфорис, Герод с удивлением увидел широко распахнутые ворота и двух стражников, из которых один спал, пуская слюни на обширный живот, мирно бормоча что-то во сне, а второй бросал кости на перевернутый щит. Копья (их единственное оружие, если не считать ножей, более уместных за дружеским пиром, а не в бою) лежали в трех шагах от воинов.

Увидев отряд из сотен всадников непонятной внешности (отец снарядил с Геродом наемников-иноземцев, уже много лет служивших его личной охраной), стражник вскочил, попытался взять щит, споткнулся и упал на соратника, изрядно перепугав его. Герод пожал плечами и проследовал в резиденцию. Город был какой-то тихий и неказистый, хотя Галилея считалась богатейшей частью страны, а Сепфорис был ее признанным центром. Прохожие при виде отряда прижимались к стенам, ставни домов закрывались. Попытка обратиться к одному из горожан закончилась тем, что тот замычал, как немой, и бросился в переулок.

Возле дома Герода встречал невысокий, начинающий полнеть иудей с густой бородой, из которой торчал изогнутый нос.

– Приветствую тебя сын Антипатра-правителя, славный сын великого отца! Долгих лет и процветания твоей...

– Ты кто? – оборвал царедворца Герод, которому стало уже надоедать все вокруг.

Сбившись на миг, старец нашелся: – Я – скромный управляющий канцелярией тетрарха. Ожидаю тебя, чтобы рассказать о делах наших, помочь обустроиться во дворце (Герод с трудом понял, что дворцом он называет дом, перед которым стоял). Рабы уже приготовили все для домочадцев молодого правителя, накрыли стол.

Герод спрыгнул с коня.

– Хорошо. Распорядись, чтобы накормили и разместили в казармах моих людей, помогли разложить пожитки моим домашним. (Чиновник заторопился). А сам вместе с начальником стражи через час будь у меня. Понятно?

– Да, господин, – растеряно пробормотал управляющий канцелярией.

Герод обернулся к своим воинам:

– Первый десяток остается в доме. Остальные пусть расположатся в казармах. Бранн, вечером жду тебя с докладом. Расскажешь, как устроились, чего не хватает.

Огромный командир наемников, прибывший из каких-то невероятно далеких земель и уже больше десяти лет верно служащий дому Антипатра, кивнул и засмеялся:

– Если чего не хватает, Герод, то мы сами найдем.

– Вот этого не надо. Просто скажи мне.

Всадники поехали к казармам, а Герод с домочадцами и охраной, наконец, прошел в дом.

Через час, когда суматоха, обычная при заселении в новое жилище, улеглась, а жена, сын и слуги, поев, разошлись по своим комнатам, Герод прошел в зал приемов. Там его ждали уже знакомый толстяк и высокий и худой, как жердь, облаченный в броню мужчина годами десятью старше самого Герода.

– Добрый вечер, почтенные, – приветствовал их Герод. – Меня вы уже знаете, а я ваших имен пока не услышал.

– Я – Барух сын Моше, о, могучий тетрарх, – представился глава канцелярии.

– А ты, наверное, начальник стражи? – кивнул Герод высокому воину.

– Да, тетрарх. Меня зовут Ахав, – промолвил неказистый носитель царственного имени.

– Вот про стражу мне очень хотелось бы поговорить. В городе я видел стражников, которые спят, бражничают и играют в кости. А стражников, которые охраняют покой и следят за порядком, я не увидел. Почему?

– Почтенный тетрарх! Стражники, стоящие у ворот, уже наказаны. Не гневайся, – склонив голову, ответил главный страж. Слова были почтительные, но тон выдавал изрядное раздражение. Еще бы – мальчишка смеет учить его, почтенного Ахава, уже не одно лето возглавляющего городскую стражу, участвовавшего в битвах еще с царем Аристобулом! Все это с легкостью прочел в его глазах Герод. Но отступать он не собирался.

– Люди в городе напуганы. Чем или кем? Почему стража не бдит?

– Тебе показалось, тетрарх. У нас в городе редко бывают чужеземцы, тем более в таком числе. Вот люди и растерялись. А ты решил, что они напуганы.

– Хорошо. Не будем спорить. Завтра на площади перед казармой собери всех своих людей, свободных от дежурства. Пусть они будут с оружием. Я хочу на них посмотреть.

– Это будет непросто, почтенный господин, – опять внешне приниженно отозвался стражник.

– Разве я спросил о том, будет это легко или трудно? Мне показалось, что я, тетрарх Галилеи, приказал их собрать. И если начальник стражи не может выполнить простой приказ, мне придется думать, где брать другого начальника. Поэтому, почтенный, можно начинать собирать. Он кивнул, отпуская одного из визитеров.

Таких нужно ломать сразу. Или он будет делать то, что нужно Героду, или его не будет в начальниках, в армии. А если покажет себя строптивым, то не будет совсем. Герод знал, что в Галилее уже многие годы собирались те, кто был недоволен. Сюда бежали разбитые воины Аристобула, до сих пор скрывающиеся в ущельях гор на границе с Сирией. Сюда бежали мятежники и заговорщики, разоблаченные отцом – они хоронились в горах на границе с Финикией, в скалах по берегам озера Кинерет. Здесь в ущельях и пещерах они находили убежище, сюда свозили награбленное.

Со временем у них появился вожак. Тогда из озлобленных одиночек они превратились в настоящую разбойничью армию. Дороги из Галилеи в Сирию и Финикию, страну Моав, входившую в римскую провинцию Сирия, становились все более опасными. Караваны, в том числе караваны Антипатра, пропадали. Сирийские поселки, расположенные рядом с границей, постоянно подвергались нападениям.

Но к моменту, когда легионеры добирались до очередного разграбленного поселения, разбойники уже укрывались в Иудее, в галилейских горах. Местные жители были большей частью запуганы. Войск в Галилее было немного: к моменту, когда показывался первый воин, разбойники успевали «наказать», как они говорили, непокорных и скрыться. Правда, страдали от разбойников не все – некоторые вполне приспособились к ним: кто-то скупал награбленное, продавал разбойникам еду, одежду, да и оружие, доносил им о передвижении войск. А кто-то даже видел в них героев новой войны за освобождение. Впрочем, таких было немного.

Когда Герод получил в управление Галилею, враги Антипатра потирали руки. Тихая радость так и сквозила в их речах и взглядах: пусть наглый антипатров мальчишка свернет себе шею в диких горах! Или ему помогут ее свернуть. В любом случае, одним Антипатридом будет меньше...

Именно поэтому в Галилею был направлен не добрый и религиозный Фасаэль, а гораздо более жесткий и решительный Герод, получивший свой первый меч на четвертую весну жизни, а доспех – к совершеннолетию. В принципе, тетрарх Ерушалаима стоял выше, чем тетрарх Галилеи. Но правитель Галилеи, отделенной от Иудеи клином Самарии (земли, отнятой римлянами у Гиркана), был почти самовластным владыкой. Фасаэль на этот пост, по мнению Антипатра, был еще не готов. Герод шел иным путем. Он не столько раздумывал над мудростью Священной Книги, сколько старался быть с отцом во время торговых сделок и заключения политических союзов, в походах и пирах. Он учился повелевать и брать на себя ответственность за тех, кто ему доверился. Не случайно наемники, служившие дому Антипатра, из всех детей Антипатра только приказы Герода воспринимали как обязательные для исполнения.

Последние годы Герод усиленно учился владеть разными видами оружия. Не только оружием боготворимых им римлян, но и луком кочевников, метательными ножами и дротиками. Под руководством Бранна, главы наемников, он овладевал тайнами фехтования. По вечерам он заслушивался сказаниями народа Бранна. В отличие от повествований из Книги, они рассказывали о битвах и победах, сильных воинах, преодолевающих все беды и препятствия. Он сам происходил из воинственного племени белгов, совсем недавно попавшего под власть Рима. Однако его род был почти полностью истреблен, а оставшимся пришлось бежать на юг. Здесь Бранн и решил продавать то единственное, что у него оставалось – свой меч. После скитаний по Италии и Греции он оказался на востоке, где его нанял Антипатр.

Герод понимал, что в большой битве все решает не индивидуальное мастерство воина, а отработанное до автоматизма умение действовать вместе. Но в его жизни чаще выручали именно индивидуальные знания и навыки. Как его учителя в годы детства (отец старался дать детям эллинское образование) пестовали его мысль, наставляли в греческом и латыни, в истории, риторике и этикете, так Бранн, стал его учителем в школе выживания. Понимая, насколько сложное дело предстоит его второму сыну, Антипатр отправил с ним Бранна.

Именно поэтому в помощь Героду были направлены и три сотни лучших наемников, верных Антипатру, умеющих биться любым оружием, скакать на конях и бежать сутки, не уставая. Герод должен был справиться. Или умереть. Третьего не было. Он обернулся к начальнику канцелярии.

– Так, почтенный Барух, как у нас собираются подати?

– Да, как сказать, тетрарх... – Барух опустил глаза и вздохнул. – Плохо собираются. Торговля слабая, караванов все меньше. Разбойники наглеют. Можно попробовать потрясти крестьян и торговцев. Но толку от этого немного – они и так ограблены.

– Вот этого не надо, почтенный Барух. Лучше сделай мне завтра полный доклад, кто сколько имеет, сколько платит. Сколько караванов проходит... Ну, ты понимаешь. Хорошо? А мы вместе подумаем, как сделать так, чтобы они имели больше и платили больше.

Управляющий канцелярией поклонился: – Все сделаю. Но это большая работа. Ты найдешь время меня выслушать?

Он был опытным управляющим, знавшим толк и в правителях, и в торговле. В давние годы он сам не без успеха подвизался на купеческом поприще. Но со временем решил обрести себе более спокойную долю. Всех правителей он делил на «купцов» и «воинов». Первые требовали увеличить подати и уменьшить расходы, вторые жаждали только увеличения войска, его вооружения. Сначала Герод показался старому Баруху типичным «воином». Это было понятно и естественно: зная о ситуации в Галилее, из Ерушалаима прислали именно воина. Но последняя реплика выдала в тетрархе «купца». Впрочем, «купца» странного. Ладно. Поживем – увидим. Тем временем Герод продолжал:

– Давай сделаем так. Ты все напишешь, а я прочту. Потом спрошу то, что будет непонятно. Но постарайся написать так, чтобы мне не пришлось долго спрашивать.

Чиновник кивнул. Этот тетрарх начинал ему нравиться. Пятясь задом, он вышел из комнаты. Дел предстояло очень много.

– Ну и хорошо, – подумал Герод. – Такие короеды мне нужны. Из его свитков я извлеку даже больше, чем он может подумать. Хотя этот, похоже, мне подходит. Пора бы уж пожаловать Бранну... Да вот и он.

Бранн ввалился в комнату, огромный и веселый, довольный до последней меры.

– Ты светишься, как золотой аурес. Так хорошо устроились? – усмехнулся Герод.

– Теперь хорошо. Просто пришлось объяснить этим собакам из городского гарнизона, что рядом с волками им нужно вести себя тихо.

– А много их? Большой гарнизон?

– Сотен пять-шесть. Но воинов – сотни две. Остальные – дети несчастных родителей, зачатые в недобрый день.

– Как сама казарма? Можно там жить уважаемому воину?

– Казарма отличная. Тысячи на полторы бойцов. Есть площадка для тренировок. Вот оружие я глянул – страшнее проигранной битвы. Не следят они совсем за оружием. Мечи ржавые, тупые. Щиты тяжелые. Много сломанных. Панцири – просто посмотреть страшно. Тут что выяснилось? Я с одним стражником разговорился, когда они поняли, кто здесь главный; так вот: им уже третий месяц не платят. Живут на том, что у кого отберут. Отрепье это, а не гарнизон.

Герод вздохнул:

– И вот из них, хотя бы из этих двух сотен, ты сделаешь мне воинов. Нас три сотни. Еще, наверное, до семисот воинов можно будет найти по гарнизонам крепостей. Послезавтра и начнем объезд. Этого хватит, чтобы разбить разбойников, но мало для того, чтобы справиться с ними. Нужно готовить воинов. Отбирать, проверять, чтоб не готовить помощников для врага. Вести себя осторожно. Здесь пока и не понятно, кто враг, а кто друг. Да и с врагами придется быть осторожными. Синедрион здесь на их стороне. Поэтому и держу десяток в доме. Кстати, смени их завтра. Пусть отдохнут. Каждый день меняй, особенно если я в отъезде. Все понятно, друг?

– Понятно. Дело выходит у нас непростым. Хотя на простое Антипатр бы нас с тобой и не отправил.

– Ладно, хватит дел на сегодня. Давай поднимем чашу за удачу.

Герод подошел к столу и налил две чаши: себе и Бранну. Отрезал несколько ломтей холодного мяса, быстро прошептал благодарственную молитву Единому и поднял кубок:

– За удачу, друг!

***

Следующие полмесяца Герод почти не бывал в своей резиденции. Ему пришлось расстаться с начальником стражи, как он и предполагал изначально, а саму стражу сократить

до трех сотен. Этим людям он платил сам. Не скупясь. Но и требовал с них немало. Казарма постепенно превращалась во вполне приличное жилище. Оружие блестело на смотрах. Сами воины начинали учиться действовать совместно (Герод) и в одиночку (Бранн). Похоже, что они втянулись, и новая жизнь им самим начала нравиться. Пусть в качестве одиночных бойцов они пока стоили немного (хотя несколько связок и приемов в них удалось вбить), в качестве отряда они уже действовали вполне слаженно. Не как триарии, но как вполне приличные новобранцы. Во всяком случае, по качеству воинов отряды Герода уже намного превосходили возможных противников. Но беда в том, что нужно было воевать, не воюя, побеждать, не начиная битвы.

Проехав по крепостям, Герод обрел еще около тысячи вполне боеспособных воинов. В отличие от городской стражи, вжившейся в мир, управляемый разбойниками, воинам крепостей шайки доставляли массу проблем. Да и сами воины, в большинстве своем греческие гоплиты из прибрежных городов, предпочитали власть разумную установившемуся безумству.

В том, что безумство уже вполне стало здесь нормой жизни, Герод смог убедиться уже в самом начале своего пребывания в Сепфорисе. После многочасовых занятий с гарнизоном города, сократившимся до трех сотен воинов, он со своими телохранителями гулял по городу. Солнце только начинало клониться к вечеру, и городской рынок был еще полон. Люди шумно торговались, спорили, покупали и продавали. Тетрарх не ехал на белом коне в окружении свиты, но спокойно шел с двумя воинами по бокам, одетый в обычную одежду, отнюдь не выделяющуюся роскошью. И хотя перед тремя гигантами с мечами на поясе народ старательно расступался, но ниц не простирался и славу не пел. Кроме всего прочего, его еще просто не знали. Остальной десяток шел несколько позади.

Внезапно внимание Герода привлек шум возле гончарной мастерской. Какой-то человек рубил старым мечом горшки. Хозяин, старый галилеянин, лишь тихонько скулил, глядя на это, причитая:

– Остановись, господин! У меня нет денег. Я все заплачу...

– Что ты делаешь?! – схватил разорителя за руку Герод.

– Отстань, прохожий! Иди своей дорогой! – злобно отозвался тот, не оборачиваясь и не прекращая сеять разрушения в мастерской. Герод схватил его поперек туловища и отшвырнул к соседней стене. Тот распластался, с ненавистью и непониманием глядя на пришельцев, двое из которых уж совсем никак не походили на местных уроженцев.

– Он не заплатил налог на освобождение Иудеи от захватчиков! – почти выкрикнул неудавшийся мытарь, тыча пальцем в сторону старика.

Герод подошел к нему и упер меч в шею лежащего мужчины.

– Прости, почтенный, не напомнишь ли ты, когда мудрый царь Гиркан установил такой налог?

– Вы что? Сумасшедшие? Это приказ правителя Хезкияху.

– Правителя? Очень интересно, – протянул Герод и обернулся к воинам: – Киньте-ка этого доблестного мытаря в тюрьму. Позже я побеседую с ним о правителе Хезкияху.

Наемники надвинулись на посланника «правителя». Тот неожиданно резво рванулся, уворачиваясь от меча, вскочил и ринулся в ближайший переулок. Герод махнул рукой и обернулся к старику:

– Почему он громил твою мастерскую?

Старик поднял глаза, полные горя – привычного горя маленького человека перед сильными мира сего.

– Господин, у меня нет денег. Торговля совсем плохая. А теперь мне придется голодать.

– Ну, голодать ты пока не будешь – промолвил Герод, бросая на лавку перед стариком несколько серебряных кругляшей. Но почему он требовал у тебя деньги?

– Благодарю тебя, добрый господин! Пусть твои дети будут благословенны! Они всегда забирают половину. Уже много времени. В конце каждого месяца мы отдаем им половину всех денег. Но в этом месяце у меня купили только два горшка.

– А что же стражники?

– Что скажут стражники посланцу могучего Хезкияху? Они тоже хотят жить и быть благополучными. Кто-то получает мзду, а кто-то просто боится за своих родных. Я тоже боюсь, господин! Ты уедешь к себе в Ерушалаим или Дамаск, а Хезкияху останется.

– Не бойся, отец! Всевышний повелел нам заботиться о ближних. Я не уеду отсюда.

Герод обернулся к Бранну: вот куда деваются налоги. Понятно, почему их так мало. Этому кровососу уже не достает грабежа караванов и налетов на сирийских крестьян – он уже налоги собирает. Да какие! Первосвященнику такие налоги и не снились в страшном сне.

Наутро Герод собрал всех своих приближенных: начальника городского гарнизона, канцеляристов во главе с Барухом, своих наемников. Начал он с чиновников.

– С завтрашнего дня никого, кроме официальных посланников из Ерушалаима или от римлян, в город с оружием и без специального разрешения не пускать. Все ворота, калитки и просто дыры в стенах, кроме Ерушалаимских и Сирийских ворот, заложить. Срок – неделя. На работы привлечь всех бродяг, что шатаются по городу. Но всем заплатить. Я проверю. Как только это сделают, доложить.

– Теперь воинам. С завтрашнего дня, чтобы у каждого собачьего лаза, у каждой дыры в городской стене стоял стражник. И если кто-то с оружием в город проскочит, сниму голову вместе с кипой. На всех людных местах чтоб были стражники! Если кто-то будет что-то требовать у купцов и ремесленников, хватать немедленно и в темницу. Будем судить, как бунтовщиков. На смерть Синедрион нам их осудить не даст, а плетями отделаем от души.

– Господин, – неуверенно произнес глава стражников, – это же война!

– Да! Война! И если кто-то не чувствует в себе сил для нее, пусть уйдет сейчас. На этом берегу. Я, Герод сын Антипатра, даю слово, что он спокойно выйдет из города. Но здесь, среди моих воинов, мне слабых и трусливых не нужно.

Он пристально смотрел на каждого. Присутствующие вели себя по-разному. Кто-то опустил голову. Кто-то встретил взгляд спокойно и открыто. Но остались все. Впрочем, иного он не ждал. Они уже прошли жесткий отбор и остались с ним. Хотя потом многое могло измениться. Но других у него не было.

– Но ведь тогда каждый день нужно будет целую сотню воинов выводить на улицу! – вернулся к теме новый начальник гарнизона, молодой парень с жестким волевым лицом, сын одной из жертв разбойников.

– Даже полторы сотни. Остальные пусть отдыхают и учатся воевать. Потом меняются. Бранн, – обратился он к галлу. – Пусть твои люди тоже ходят в дозоры. В каждой группе пусть будет по одному твоему воину.

– Сделаем, Герод.

– Тогда за дела! Только уважаемый Барух пусть задержится.

Старый чиновник поклонился и остался стоять. Остальные вышли.

– Почтенный Барух, я доволен тобой. Именно поэтому хочу, чтобы ты меня выслушал и дал ответ. Мы начинаем трудное дело, которое может кончиться совсем не на радость нашим родным. Я готов заплатить тебе, чтобы твоя старость протекала в покое и достатке, и отпустить из Галилеи. Завтра уже может быть поздно.

– Тетрарх Герод, сын Антипатра, сильный и достойный продолжатель своего отца! – начал речь Барух. – Ты еще только собирался в Галилею, а здесь уже ждали тебя. Я – немолодой человек, и серебра в волосах у меня больше, чем в мошне. И всю жизнь я прожил на этой земле. Я хочу умереть на ней. Но хочу умереть в спокойном мире, где путник не жмет к краю домов, где караваны ходят без сопровождения армии. Когда ты выехал из ворот славного города Еру-

шалаима, нас было пятнадцать человек. Когда ты въехал в Сепфорис, нас осталось шесть. Я остался. Я боялся тебя. Боялся, что ты будешь слабым или, напротив, слишком яростным. Теперь не боюсь.

Герод обнял его:

– Я оценю это, Барух! Но пока нам нужно спешить. В этой игре выигрывает тот, кто бьет первым. Завтра объяви на площади, что царь Иудеи Гиркан, да будет благословенно его имя, и тетрарх Герод даруют в этом году крестьянам Галилеи освобождение от всех податей. Ремесленники пусть платят двадцатую часть, а не десятину.

– Зачем это, господин?! Налогов и так очень мало.... Нам же нужны средства.

– Ты прав. Деньги нужны. Но дом Антипатра может вынести такие траты. Когда отец посылал меня сюда – ты понимаешь, что посылал меня отец, а не царь, – он не думал здесь найти богатства. Важнее обеспечить безопасность караванам. А еще важнее честь и слава дома Антипатра.

– Я понял, господин! Люди должны славить тетрарха и проклинать разбойников.

– Да. Это и будет началом конца Хезкияху.

***

Уже вскоре ситуация в городе изменилась полностью. На площадях было объявлено, что вход в город с оружием без разрешения на оное запрещен. Все оружие, которое есть у местных жителей, надлежит зарегистрировать в канцелярии тетрарха. Любое оружие без разрешения будет изыматься, а его владелец – подвергаться бичеванию на площади. То же наказание будет для тех, кто без распоряжения тетрарха будет изымать что-либо у жителей.

Стража у ворот (а других способов проникнуть в город не осталось) стала другой. Стражники спокойно и внимательно осматривали все и всех, проникающих в город.

– Что везете, почтенный? – приветствовал начальник дозора очередного путника.

– Зерно для Авдея-хлебопека.

– Дозволь осмотреть телегу.

Возница побледнел.

– Почтенный стражник... э... я хотел бы помочь твоей семье. Здесь шесть серебряных динариев...

Стражник, не говоря ни слова, схватил дарителя за ворот плаща и сдернул на землю. Другие стражники вмиг разворошили телегу, где под зерном оказались кинжалы, палицы и еще один «усталый путник», видимо, хорошо известный местным жителям.

– А, Савва-конокрад пожаловал в гости! – обрадовался высокий страж-галилеянин. Путников схватили и отправили в городскую тюрьму. Впереди их ждало мучительное и позорное наказание.

Такие сцены в первые дни часто наблюдались возле городских ворот. Герод, разбирая дела, четко различал подозрительных людей – скорее всего, членов шайки или их агентов – и крестьян, которые везли кинжал или топор для самообороны в дороге. Последние немедленно освобождались со всеми возможными извинениями. Но оружие им возвращалось только на выезде из города. Приметы подозрительных людей записывали при свидетелях, составляя список таких «непонятных» галилеян. Очень скоро правила стали известны всем. Даже караванщики, следующие в Иудею, Дамаск или Сирию, спокойно оставляли свое оружие на хранение стражам.

Намного больше стражи стало и на улицах города. При этом стражники перестали отворачиваться, увидев нечто подозрительное. За это тетрарх не миловал. Десятки желающих собрать «подать на освобождение Иудеи» пополнили число сидельцев тюрьмы. Городские палачи впервые за долгие месяцы получили регулярную работу. Плети в их руках не останавливались, осо-

бенно в первое время, а клеймо делало преступника легко узнаваемым. Даже ночами отряды стражников патрулировали городские улицы и стены.

За месяц Героду удалось очистить город от разбойников и их присных. Их не казнили, но постепенно отрезали от возможности обирать горожан. Если ловили, то били плетью до полусмерти, клеймили. Город ожил. Постепенно под контроль были взяты все крупные города Галилеи. Но дальше дело продвигалось с трудом. Гоняться по округе в сотни стадиев, по горам за летучими отрядами разбойников было делом бесполезным. Да и какой смысл в этой погоне, если на смерть их может осудить лишь Синедрион, а он этого не сделает. Уже и так в Ерушалаим посыпались жалобы на «самоуправство и невиданную жестокость» тетрарха. Нужно было что-то придумывать.

Оставалось медленно выдавливать разбойников из Галилеи, лишая их поддержки местного населения, отрезая от источников пищи и золота. Гарнизон города возрос до тысячи человек. Хотя это и ложилось тяжким бременем на казну Антипатра и Герода, но давало свободу маневра. Впрочем, это же дало еще один неожиданный эффект. Жалование, которое Герод платил воинам, тратилось в городе. В Галилее появились люди, в поясах которых позвякивало серебро. Ремесленники, содержатели харчевен, мелкие торговцы получили покупателей, а Герод – рост налогов.

Следующая проблема была связана с безопасностью караванной торговли. Грабеж караванов, проходивших через Галилею, был едва ли не основным подспорьем разбойничьей армии Хезкияху. То, что караванов становилось все меньше, а значит, меньше дохода для самих же разбойников, ими не осознавалось. Зато это прекрасно понимал Герод. Для него это было постоянной головной болью. Ведь большая часть из этих караванов так или иначе принадлежала его семье, а подати от караванов должны были пополнять казну тетрарха Галилеи. Да и подати римлянам уходили регулярно.

В большом зале у стола Герод и его военачальники склонились над картой Галилеи и сопредельных областей с отмеченными на ней караванными путями и главными городами. Докладывал начальник тайной стражи, недавно появившейся у Герода:

– Как сообщают лазутчики, главный лагерь разбойников расположен в горах на границе между Финикией, входящей в состав римской провинции Сирия, и Иудеей. Мы можем их просто зажать в горах, поставив усиленные посты здесь, здесь и вот здесь, – тыкал он в карту.

– Конечно, – иронично вскинул брови Герод. – И Хезкияху будет сидеть и ждать голодной смерти. Лагерь разбойников – это не Ерушалаим, который веками стоит на одном месте и будет стоять вечно. Они перевалили через горы здесь или здесь, и вышли нам в тыл. Или вообще ушли порезвиться в Сирию, пощипать тамошних крестьян.

– Господин! – заговорил новый начальник стражи Сепфориса Сысой бен Гедеон. – Их не намного больше, чем нас. Наши воины гораздо сильнее. Может быть, просто навалиться на их лагерь, окружить со всех сторон, да и пообрубить им их дурные головы?

– Да, – протянул Герод, – Мне тоже этот вариант очень нравится. Но на это мы пойдем в самом крайнем случае. Не стоит забывать, что перед Всевышним и царем они – только подданные, и к казни приговорить их может лишь Великий Синедрион. А там... сами знаете. Есть и другое обстоятельство. Не только толстые хозяева полей и пастбищ, грезящие о безраздельной власти, но и многие крестьяне верят, что Хезкияху – это новый Маккавей, царь-освободитель. Нам не нужна война со своими крестьянами.

– Господин тетрарх! – вмешался единственный «гражданский» участник военного совета, управляющий канцелярией, Барух. – Ремесленники и торговцы уже на нашей стороне. Они видят, что при твоём правлении их жизнь становится лучше. Да и освобождение от подати на год для крестьян сделало свое дело. Горожане богатеют, покупают дары земли. А с них живут крестьяне. Думаю, что сегодня Хезкияху не сможет поднять войну, даже если очень захочет.

– Это хорошо, – ответил Герод, – но главной проблемы не решает. Как нам уберечь караванные дороги от разбойников, уничтожая только тех, кто уже сам напал первым? Кстати, передайте всем воинам: пленные нам не нужны. Казнить мы их не можем, а кормить их бесплатно у меня нет никакого желания.

Наступали сумерки. Слуги внесли в комнату светильники. Несколько светильников Герод повелел установить на столе, вокруг карты. Взгляды собравшихся опять склонились к исчерченному пергаменту. Герод же сел в кресло перед столом и уставился на светильники. Круги света скрещивались на столе, покрывая собой всю карту. Какая-то заноза воткнулась в память. Что-то из детства. Что? Герод вскочил. Присутствующие подняли головы.

– Костры! – почти крикнул Герод. – Набатеи, чтобы передать известие, зажигают сигнальные костры. У нас есть две тысячи воинов. Сколько нам нужно, чтобы контролировать города?

– Думаю, сотен семь-восемь, – ответил начальник стражи.

– Хорошо. Пусть еще триста воинов составят гарнизоны крепостей на границах. Остается тысяча. Вдоль всех караванных путей мы устанавливаем вышки или посты на вершинах скал так, чтобы они находились на расстоянии видимости. Сколько таких вышек понадобится?

– Сотни, господин! – растерянно бросил командир лучников.

– Может быть. Но думаю, что меньше. Ведь и разбойники нападают не везде. Есть места, где это происходит регулярно. Есть такие места?

Все опять склонились над картой.

– Вот она, самая опасная территория. – Герод очертил стилем круг. – Еще вот здесь. Вышек с кострами понадобится десятка два-три. По три воина на каждом посту. Итого – сотня. В округе создаем три укрепленных лагеря по римскому образцу. В каждом – по триста воинов. И главное – по шесть сотен коней.

– Господин! Где взять столько коней? – с некоторым испугом спросил глава канцелярии.

– Купить, – бросил Герод. – Так вот. Как только возникает угроза нападения, зажигается костер. В лагере, на сторожевой вышке, его видят. И сотня всадников выезжает и уничтожает всех нападающих.

– А если нападающих много? – спросил начальник всадников.

– Тогда... – Герод задумался. – Тогда в кострище подсыпается порошок из страны Серес за Парфией, и костер горит с разноцветными сполохами. Тогда выезжают две сотни. Да. Пусть еще в лагере тогда зажигают сигнал для других лагерей. Порошок я прикажу привести из Дамаска.

Лагеря и сигнальные посты построили менее, чем за месяц. И... начались трудные времена. Первое время костры загорались едва ли не каждый день. Боевой отряд выезжал. Успевал не всегда. Но постепенно сигнальные огни работали все лучше, а воины научились действовать быстро и... абсолютно беспощадно. Отряды разбойников не отбивали, как было прежде, а просто уничтожали на месте.

Нападения стали реже. Потом – намного реже. В Сепфорис потянулись караваны из ближайшей округи и более отдаленных областей. По древним караванным дорогам пошли уже не бесшабашные единицы, а большие караваны и просто группы торговцев. Область на севере начала приходить в себя, люди богатеть, а казна тетрарха наполняться. Героду уже не приходилось платить воинам, каждый раз развязывая собственную кошелек. Чтобы торговцы могли дать отдых усталым ногам, Герод стал устраивать в городах и близь лагерей укрепленные и охраняемые места остановок с горячей пищей и циновками для сна. Это тоже оказалось доходным делом. Постепенно ему удалось отдать все долги дому отца, полностью покрыть подати дому царя и римлянам. Да и казна тетрарха начала наполняться. Незаменимым помощником здесь стал Барух. Он понял и принял идею о том, что стричь барана стоит тогда, когда шерсть длиннее, а резать, когда жир нагуляет. Потому и делал все, чтобы богатели и жители, и тетрарх, да и сам управляющий. Не без того.

Но враг не исчез. После того, как разбойников и их присных изгнали из городов, в дом тетрарха наведалься важный и мрачный галилеянин. Уединившись с Геродом, он представился посланником властителя Хезкияху. Предложение было простым и понятным: сколько нужно Героду, чтобы он прекратил лезть в чужие дела, не мешая настоящим патриотам Иудеи, чьи предки воевали вместе с Хасмонеями? Получив же предложение осмотреть дом с внешней стороны, а проще говоря, проваливать, посланец заявил, что и сам Герод, и его семья заплатят за этот выбор своей жизнью.

Угрозы не особенно испугали тетрарха. Причин тут было множество: и воспитание в доме отца, где цель всегда ставилась выше личного блага да и самой жизни; и уверенность, что он сильнее и умнее своих врагов. Но было еще одно, в чем он боялся признаться даже самому себе: он был несчастлив в семье. Потому и не испытывал страх ни за нее, ни за себя. Сначала эта мысль просто не приходила ему в голову. Женившись по воле отца на дочери важного союзника из влиятельной идумейской семьи, Герод не питал к супруге ни малейшей симпатии. Впрочем, как и она к нему. Это был долг. Он честно исполнял его. Заботился о жене, воспитывал сына. Но не любил ни ее, ни его. Теперь же он старательно гнал эту мысль от себя. Но она возвращалась снова и снова. Когда нет радости в доме, то нет радости и на душе.

Только в миг, когда вокруг все висело на волоске, сплеталось в невероятные узлы, он ощущал не страх, но радость, полноту жизни. В этот миг в ушах пел не ветер, но Его Песня! Несясь по дороге в погоне за врагами, отбиваясь от разящего меча, он жил; лаская жену или вкушая мир в семье, он только существовал. Он с тоской вспоминал долгие вечера и беседы с отцом, сказки и предания, рассказанные матерью. Радость, жившую под крышей дома Антипатра.

Но безрассудным он не был. Меры предосторожности были приняты. Дом-резиденцию обнесли стеной, на которой установили несколько сюрпризов для особо любопытных. Десяток телохранителей постоянно находился с его женой и сыном. Другой десяток путешествовал с ним по стране. И не зря. Покушения следовали одно за другим. То он едва успевал увернуться от брошенного с крыши камня, то в вовремя подставленный щит телохранителя впиалась стрела с отравленным наконечником, то в корзине с фруктами, купленной слугой на рынке, обнаруживалась змея.

Но, как и отец, Герод отличался терпением и упрямством. Он старательно выжимал врагов в горы, отрезая им один источник добычи за другим. По слухам, среди «армии» Хезкияху начался голод и разброд. «Соратники» разбегались. Идея борьбы с «чужаками» без добычи оказывалась гораздо менее привлекательной.

Хезкияху метался по Галилее и Келесирии, чувствуя, как стягивается вокруг него кольцо. Он ненавидел идумея. Ненавидел всех, кто с ним связан. Ненавидел уже и саму Галилею, продавшую свое первородство за чечевичную похлебку, за серебро чужака. Неужели они не понимают, что только он, Хезкияху, из рода изначальных правителей, мудрецов и воинов, имеет от Всевышнего власть над Галилеей! Всякий чужак, а тем более посягающий на его власть, является врагом Галилеи и должен быть предан смерти. Едва чадающее в Ерушалаиме, пламя войны за свободу должно возгореться именно здесь, в Галилее. Смерть чужакам, смерть всем, кто общается с ними, помогает им, изучает их язык, платит им подати, радуется празднествам, устроенным ими.

Его нападения становились все более кровавыми. Он убивал крестьян, заподозренных в том, что они торговали с проклятым идумейцем. Его воины-повстанцы насиловали их жен и дочерей, жгли дома. За его спиной оставались разоренные жилища; там, где прежде звучал детский смех – изуродованные трупы и еще живые, но искалеченные и все более ненавидящие его люди. Хезкияху понимал, что это – отчаяние и конец. Идумеец перехитрил его. Он, Герод, будь проклято его имя, стал защитником и спасителем галилеян. Его имя славят на улицах

и в домах. Лишь несколько почтенных семей во всей области, издавна связанных с ним, сохраняют верность правде.

Римляне, которым до колик в печени надоели разбойники из Иудеи, подвели войска к границе. Повстанцы из Галилеи натыкались не на ленивых и испуганных крестьян, а на легионеров, да еще огромных псов, которые загоняли людей Хезкияху, как диких зверей. Пойманных разбойников не просто бросали в тюрьму, а распинали на крестах, установленных вдоль дороги в Иудею. И тут сторонники из Синедриона уже ничем не могли помочь. Римлян они боялись. Да и здесь, дома, с каждым днем становилось все хуже. Неужели бесславный конец?

Нет! Он обязательно что-нибудь придумает. Не случайно из его предков вышло немало мудрых толкователей Священной Книги, софосов, как их называли эллинские собаки. Хезкияху решил избавиться от идумейца другим путем. Десять женщин, чьи сыновья были в числе воинов-повстанцев и погибли при налетах на деревни и военные лагеря, расставленные проклятым тетрархом в самых неудобных для них, настоящих хозяев этой земли, местах, отбыли в Ерушалаим с жалобой царю Гиркану на жестокость тетрарха, приведшую к гибели их чад.

Антипатр прислал тогда с доверенным человеком Героду длинное письмо, описывая сколь сложно сейчас отводить такие удары от сына. Писал, что при дворе появился и вошел в силу дальний родственник жены Антипатра и матери Герода, Малих, ставший главным противником их дома и союзником Синедриона. Герод обещал быть осторожнее. Но события развивались иначе.

Они не успели. Когда Герод и его воины увидели сигнал и подскакали к поселению, разбойники уже всюду развлекались. На дороге перед домами лежали трупы мужчин и женщин со вспоротыми животами, отрубленными конечностями, выколотыми глазами. Герод не просто впал в ярость. Он почти забыл себя. Он резал и убивал всех, кто участвовал в налете. Потом, стянув к горам всех своих воинов, навалился на лагерь разбойников. Не ожидавшие прямого нападения, привыкшие к безнаказанности в Иудее, они не были готовы к схватке и почти не оказали сопротивления. Он убил всех. Помня о том, что Хезкияху принадлежит к одной из наиболее уважаемых семей, он поначалу хотел оставить тому жизнь, отведя на суд Синедриона. Но и это не вышло.

Глава разбойников выкрикивал проклятия в адрес тетрарха, его отца, римлян, греков, иудеев и всего мира, не оценившего величие Хезкияху. Герод спокойно, с некоторой безразличностью смотрел на беснующегося «владыку Галилеи». Один из воинов подошел к нему и коснулся руки: посмотри, господин!

Герод видел много. Видел смерть, видел боль. Но такого он не видел. Еще живые люди сидели и лежали на земле. У крестьянина были отрублены руки. Рядом с ним лежали горожанин с выколотыми глазами, женщина с отрезанной грудью. Этих людей было много. Вокруг них, еще живых, кружились жирные мухи. В глазах Герода потемнело. Он выхватил меч и рванулся к Хезкияху. Разбойник испуганно замолчал. Почти не осознавая себя, Герод поднял оружие. Голова разбойника скатилась на пол, руки в агонии заскребли землю.

***

За этот случай ухватились все враги дома Антипатра. Ну, и что, что Хезкияху убивал и грабил. Герод не имел право его убивать. Он – убийца. Теперь, сидя в кресле в своей резиденции в Сепфорисе, тетрарх держал в руках свиток с вызовом на суд Великого Синедриона в Ерушалаим. Рядом лежало письмо отца. До получения послания от Антипатра Герод проигрывал два варианта действий. Первый – самый простой: бежать в Сирию. Там наместником сидит двоюродный брат Цезаря, Секст Цезарь. Он лично выразил благодарность за разгром разбойников и восстановление порядка в Галилее, за возобновление безопасного сообщения между Ерушалаимом и Антиохией. Он же приглашал Герода быть его префектом в Келесирии,

граничащей с Галилеей, и Самарии, отторгнутой от Иудеи. Второй вариант – стянуть к себе всех друзей и союзников и пойти войной на Ерушалаим, отомстив трусливому Гиркану и ненавистному Синедриону.

Честно сказать, оба варианта были плохими. Точнее, не хорошими. В Сирии сидел не только римский наместник, но и Антигон, сын Аристобула, злейший враг Гиркана и Антипатра. И хотя дети его покойного брата Александра воспитывались при дворе «дедушки Гиркана», обеспечивая лояльное поведение Антигона, надеяться на столь же лояльное поведение в отношении Герода не приходилось. Да и сама идея требовала более тщательной проработки, согласования с самим Секстом.

Второй вариант еще хуже. Не потому, что Герод мог не победить (эту мысль он даже не рассматривал); просто даже в случае победы рушилась его главная мечта, главная цель – обеспечить будущее Иудеи в новом и прекрасном римском мире. Великий Синедрион был одной из немногих цепочек, связывающих разделенных границами людей, живущих по Закону, данному Всевышним праотцу Моше. Его решения принимают иудеи во всех странах обитаемого мира. Герод мог победить, но стать врагом Иудеи.

В письме отца и было решение задачи. Да, нужно на время уехать. Но уехать победителем, а не беглецом. Правда, для этого нужно было ехать на суд Синедриона, в Ерушалаим.

Часть вторая. Отец и сын

Глава первая. Суд Синедриона

Синедрион заседал во дворе священников, отделенном от двора Израиля (туда мог войти любой иудей) колонной из тесаных камней – одним из самых величественных мест Храма, хотя сам Храм был лишь бледным подобием огромного комплекса древнего царя Шломо. Когда-то Хасмонеи дали клятву восстановить древний Храм во всем его великолепии. Но не вышло: в годы могущества они воевали, тратя деньги на оружие и наемников, а в последующие годы денег попросту не было. Впрочем, именно здесь хранилось все золото, которое они добыли в войнах и походах, выставлялись диковины из далеких стран. В случае нужды Первосвященник мог брать отсюда драгоценности для спасения народа. Правда, этот клад уже однажды ограбил римский полководец Красс – перед тем, как сгинуть в Парфии. Но запасы оставались.

В Совет входили мудрецы из наиболее уважаемых семей, наиболее влиятельных колен Израилевых – всего семьдесят один человек. Стать членом Синедриона мог только ученик члена Синедриона со столь же древней родословной, знающий Святую Книгу, предания народа, язык эллинов, арамейскую речь. Он должен быть полностью здоров и лишен увечий. Он должен безукоризненно соблюдать Закон и чураться всего «нечистого». Больные, увечные и «грязные» в высший Совет государства войти не могли, как не могли стать Первосвященниками.

В прежние эпохи в Синедрионе властвовал Первосвященник, но времена изменились. Сегодня в Высоком кресле наси (председателя) перед полукругом посвященных судей и их учеников сидел Иеуда бен Таббай. Большая часть Синедриона, сорок пять человек, состояла из князей земли, именовавшихся саддукеями. Их и возглавлял бен Таббай.

Иначе смотрели на мир их противники, фарисеи: перед лицом Всевышнего они не видели различий между князьями и землепашцами. Фарисеи призывали жить в мире, принять мир, созданный Им, ибо только Он – Владыка и Царь народа. Остальные были лишь местоблюстителями; недолго. До прихода Мошиаха, свидетельствующего о царствии Его. Но фарисеев было меньшинство. Их голос, чтимый народом полей, здесь был едва слышен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.